

Стихотворения. Иоганн Вольфганг Гёте

В настоящее издание входят произведения “Фауст” (сцены из первой части), “Страдания юного Вертера”, “Эгмонт”, стихотворения, в которых выражены мысли о человечестве, любви и красоте, природе и искусстве, эстетические и нравственные идеалы поэта, а также статьи Гете об искусстве.

Рассчитано на старшеклассников, студентов вузов и техникумов, преподавателей, широкий круг читателей.

СОДЕРЖАНИЕ

Посвящение. Перевод В.Левика

Избранная лирика

Самооправдание. Перевод Б.Заходера

Прекрасная ночь. Перевод А.Кочеткова

Смена. Перевод В.Левика

К Луне. Перевод В.Левика

Прощание. Перевод А.Кочеткова

Моей матери. Перевод В.Левика

Фридерике Брион. Перевод В.Левика

Майская песня. Перевод А.Глобы

Свидание и разлука. Перевод Н.Заболоцкого

Дикая роза. Перевод Д.Усова

Приветствие духа. Перевод Ф.Тютчева

Вечерняя песнь художника. Перевод Н.Вильмонта

Мальчик с сурком. Перевод С.Заяицкого

Кристель. Перевод И.Грицковой

Надпись на книге

“Страдания юного Вертера”. Перевод С.Соловьева

Новая любовь, новая жизнь. Перевод В.Левика

Белинде. Перевод В.Левика

Песнь содружества. Перевод Л.Гинзбурга

На озере. Перевод В.Левика

Вечерняя песня охотника. Перевод Б.Пастернака

Надежда. Перевод М.Лозинского

Отвага. Перевод М.Лозинского

“Медлить в деянье...”. Перевод Л.Гинзбурга

Ночная песнь путника. Перевод А.Фета

Легенда. Перевод В.Левика

Неистовая любовь. Перевод И.Миримского

“О, зачем твоей высокой властью...”. Перевод В.Левика

Морское плаванье. Перевод Н.Вильмонта

К месяцу. Перевод В.Левика

Ушедшей. Перевод О.Чухонцева

Другая. Перевод М.Лермонтова

Ильменау. Перевод В.Левика

Ноябрьская песня. Перевод В.Левика

Амур-живописец. Перевод В.Левика

Штиль на море. Перевод Н.Вольпин

Нежданная весна. Перевод Н.Вольпин

Томление. Перевод В.Левика

Застольная. Перевод А.Глобы

Утешение в слезах. Перевод В.Жуковского

Самообольщение. Перевод И.Миримского

Нашел. Перевод И.Миримского

В полночный час. Перевод М.Лозинского

Из "Вильгельма Мейстера"

Миньона. Перевод Б.Пастернака

1. "Ты знаешь край лимонных рощ в цвету..."

2. "Сдержись, я тайны не нарушу..."

3. "Кто знал тоску, поймет..."

4. "Я покрасуюсь в платье белом..."

Арфист

1. "Кто одинок, того звезда...". Перевод Б.Пастернака

2. "Подойду к дверям с котомкой...". Перевод Б.Пастернака

3. "Кто с хлебом слез своих не ел...". Перевод Ф.Тютчева

Баллады

Фиалка. Перевод Н.Вильмонта

Фульский король. Перевод Б.Пастернака

Рыбак. Перевод В.Жуковского

Лесной царь. Перевод В.Жуковского

Певец. Перевод Ф.Тютчева

Кладоискатель. Перевод В.Бугаевского

Коринфская невеста. Перевод А.Толстого

Ученик чародея. Перевод Б.Пастернака

Крысолов. Перевод В.Бугаевского

Горный замок. Перевод В.Левика

Верный Эккарт. Перевод Н.Григорьевой

Оды

Песнь странника в бурю. Перевод Н.Вильмонта

Прометей. Перевод В.Левика

Ганимед. Перевод В.Левика

В античных формах

Могила Анакреонта. Перевод С.Ошерова

Из "Римских элегий". Перевод Н.Вольпин

I. "Камень, речь поведи!.."

III. "Милая, каешься ты..."

IV. "Ты ль, жестокий..."

VII. "О, как в Риме радостно мне!.."

IX. "В осени ярко пылает очаг..."

XIV. "Мальчик! Свет зажигай!.."

XVI. "Что ж ты сегодня, любимый..."

XX. "Сила красит мужчину..."

Из "Венецианских эпиграмм". Перевод С.Ошерова

1. "Жизнь украшает твои гробницы и урны..."

8. "Эту гондолу сравню с колыбелью..."

Из "Западно-восточного дивана"

Гиджра. Перевод В.Левина

Четыре блага. Перевод В.Левина

Стихии. Перевод В.Левика

Феномен. Перевод Н.Вильмонта

Песня и изваянье. Перевод Н.Вильмонта

Блаженное томление. Перевод Н.Вильмонта

"И тростник творит добро...". Перевод В.Левика

"Где рифмач, не возомнивший...". Перевод В.Левика

"Разве старого рубаку...". Перевод В.Левика

"Создает воров не случай...". Перевод В.Левика

"Все мне дал ты нежным взором...". Перевод В.Левика

К Зулейке. Перевод М.Кузьмина

Gingo biloba. Перевод В.Левика

Воссоединение. Перевод В.Левика

Впуск. Перевод В.Левика

Философская лирика

Прочное в сменах. Перевод Н.Вильмонта

Душа мира. Перевод С.Соловьева

Одно и все. Перевод Н.Вильмонта

Завет. Перевод Н.Вильмонта

ПОСВЯЩЕНИЕ

Взошла заря. Чуть слышно прозвучали

Ее шаги, смутив мой легкий сон.

Я пробудился на своем привале

И вышел в горы, бодр и освежен.

Мои глаза любовно созерцали

Цветы в росе, прозрачный небосклон,

И снова дня ликующая сила,

Мир обновив, мне сердце обновила.

Я в гору шел, а вокруг нее змеился

И медленно восходил туман густой.

Он плыл, он колыхался и клубился,

Он трепетал, крылатый, надо мной,

И кругозор сияющий затмился

Угрюмой и тяжелой пеленой.

Стесненный пара волнами седыми,

Я в сумрак погружался вместе с ними.

Но вдруг туман блеснул дрожащим светом,

Скользя и тая вокруг лесистых круч.

Пары редели в воздухе согретом.

Как жадно солнца ждал я из-за туч!

Каким встречать готовился приветом

Вдвойне прекрасный после мрака луч!

С туманом долго бой вело светило,

Вдруг ярким блеском взор мой ослепило.

А грудь стеснило бурное волненье,

“Открой глаза”, - шепнуло что-то мне.

Я поднял взор, но только на мгновенье:

Все полыхало, мир тонул в огне.

Но там, на тучах,- явь или виденье?

Богиня мне предстала в вышине,

Она парила в светлом ореоле.

Такой красы я не видал дотолле.

“Ты узнаешь? - И ласково звучали

Ее слова.- Ты узнаешь, поэт,

Кому вверял ты все свои печали,

Чей пил бальзам во дни сердечных бед?

Я та, с кем боги жизнь твою связали,

Кого ты чтишь и любишь с юных лет,

Кому в восторге детском умиленья

Открыл ты сердца первые томленья”.

“Да! - вскрикнул я и преклонил колени.

Давно в мечтах твой образ был со мной.

Во дни опустошающих волнений

Ты мне дарила бодрость и покой,

И в знойный день ты шла, как добрый гений,

Колебля опахало надо мной.

Мне все дано тобой, благословенной,

И вне тебя - нет счастья во вселенной!

Не названа по имени ты мною,

Хоть каждый мнит, что зрима ты ему,

Что он твоею шествует тропюю

И свету сопричастен твоему.

С пути сбиваясь, я дружил с толпою,

Тебя познать дано мне одному,

И одному, таясь пред чуждым оком,

Твой пить нектар в блаженстве одиноком”.

Богиня усмехнулась: “Ты не прав!

Так стоит ли являться мне пред вами!

Едва ты воле подчинил свой нрав,

Едва взглянул прозревшими глазами

Уже, в мечтах сверхчеловеком став,

Забыв свой долг, ты мнишь других глупцами.

Но чем возвышен ты над остальными?

Познай себя - и в мире будешь с ними”.

“Прости,- я вскрикнул,- я добра хотел!

Не для того ль глаза мои прозрели?

Прекрасный дар ты мне дала в удел,

И, радостный, иду я к высшей цели.

Я драгоценным кладом овладел,

И я хочу, чтоб люди им владели.

Зачем так страстно я искал пути,

Коль не дано мне братьев повести!”

Был взор богини полон снисхожденья,

Он взвешивал, казалось, в этот миг

И правоту мою и заблужденье,

Но вдруг улыбкой дрогнул светлый лик,
И, дивного исполнясь дерзновенья,
Мой дух восторги новые постиг.
Доверчивый, безмолвный, благодарный,
Я поднял взор на образ лучезарный.
Тогда рука богини протянулась
Как бы туман хотела снять она.
И - чудо! - мгла в ее руках свернулась,
Душистый пар свился, как пелена,
И предо мною небо распахнулось,
И вновь долин открылась глубина,
А на руке богини трепетало
Прозрачное, как дымка, покрывало.
"Пускай ты слаб,- она мне говорила,
Твой дух горит добра живым огнем.
Прими ж мой дар! Лучей полдневных сила
И аромат лесного утра в нем.
Он твой, поэт! Высокие светила
Тебя вели извилистым путем,
Чтоб Истина счастливицу даровала
Поэзии святое покрывало.
И если ты иль друг твой жаждет тени
В полдневный зной,- мой дар ты в воздух взвей,
И в грудь вольется аромат растений,
Прохлада вечеряющих полей,
Утихнет скорбь юдольных треволнений,
И день блеснет, и станет ночь светлей,
Разгонит солнце душные туманы,
И ты забудешь боль сердечной раны".
Приди же, друг, под бременем идущий,
Придите все, кто знает жизни гнет,
Отныне вам идти зеленой кущей,
Отныне ваш и цвет, и сочный плод.
Плечом к плечу мы встретим день грядущий ,
Так будем жить и так пойдем вперед.
И пусть потомок наш возвеселится,
Узнав, что дружба и за гробом длится.

ИЗБРАННАЯ ЛИРИКА

САМООПРАВДАНИЕ

Как странно мне читать глазами

Свой лепет, смолкнувший в былом...

А тут еще из дома в дом

Броди за беглыми листками!

Что в жизни разделял, бывало,

Далекий, долгий переход

Идя к читателю, попало

В один и тот же переплет...

Но прекрати пустые речи,

Сдавай-ка томик свой в печать:

Наш мир - клубок противоречий,

Тебе за них не отвечать!

ПРЕКРАСНАЯ НОЧЬ

Покидаю домик скромный,
Где моей любимой кров.
Тихим шагом в лес огромный
Я вхожу под сень дубов.
Прорвалась луна сквозь чащи:
Прошумел зефир ночной,
И, склоняясь, льют все слаще
Ей березы ладан свой.
Я блаженно пью прохладу
Летней сумрачной ночи!
Что душе дает отраду,
Тихо чувствуй и молчи.
Страсть сама почти невнятна.
Но и тысячу ночей
Дам таких я безвозвратно
За одну с красой моей.

1767/1768

СМЕНА

Лежу средь лесного потока, счастливый,
Объятая раскрыл я волне шаловливой,
Прильнула ко мне, сладострастьем дыша,
И вот уж смеется, дразня, уходя,
Но, ластясь, тотчас набегают другая,
И сменою радостей жизнь хороша.
И все же влачишь ты в печали напрасной
Часы драгоценные жизни прекрасной,
Затем, что подруга ушла, не любя.
Верни же веселье, мгновеньем играя!
Так сладко тебя расцелует вторая,
Как первая - не целовала тебя.

К ЛУНЕ

Света первого сестра,
Образ нежности в печали,
Вкруг тебя туманы встали,
Как фата из серебра.
Поступь легкую твою
Слышит все, что днем таится.
Чуть вспорхнет ночная птица,
Грустный призрак, я встаю.
Мир объемлешь взором ты,
Горней шествуя тропюю.
Дай и мне взлететь с тобою
Силой пламенной мечты!
Чтоб, незримый в вышине,
Соглядатай сладострастный,
Тайно мог я ночью ясной
Видеть милую в окне.
Созерцаньем хоть в ночи
Скращу горечь отдаленья.
Обостри мне силу зренья,
Взору дай твои лучи!
Ярче, ярче вспыхнет он,
Пробудилась дорогая
И зовет меня, нагая,
Как тебя - Эндимион.

1769

ПРОЩАНИЕ

Взором вымолвлю в молчанье,

Что уста не скажут ввек,

Трудно, трудно расставанье,

Пусть я - сильный человек!

Грустен будет в то мгновенье

Сам любви залог живой:

Томно рук прикосновенье,

Поцелуй не жарок твой.

Было время, ротик нежный

Как он мог меня зажечь!

Так фиалочки подснежной

Нам мила простая речь.

Мне ж не плесть тебе веночек!

Не дарить, как прежде, роз.

Нас, Франциска, мой дружок,

Средь весны убил мороз.

МОЕЙ МАТЕРИ

Пусть ни привета, ни письма от сына

Уже давно не получала ты,

Не дай в душе сомненью зародиться,

Не думай, что сыновняя любовь

Иссякла. Нет, как вековой утес,

Что бросил в море свой гранитный якорь,

Не сдвинется, хоть волны набегают,

То ласковы, то сумрачны и бурны,

Его громаду силясь расшатать,

Так нежность никогда уйти не может

Из сердца моего, хоть море жизни,

То шумно пенясь под бичом страданий,

То кротко зыблясь под лучами счастья.

Ее своим разливом захлестнуло

И не дает ей выглянуть на солнце

И, засверкав неомраченным светом,

Твоим очам явить, как безгранично,

Как глубоко тебе твой предан сын,

ФРИДЕРИКЕ БРИОН

Проснись, восток белеет!

Как яркий день,

Твой взор, блеснув, развеет

Ночную тень.

Вот птицы зазвенели!

Будя сестер,

Поет: "Вставай с постели!"

Их звонкий хор.

Ты слов не держишь, видно,

Я встал давно.

Проснись же, как не стыдно!

Открой окно!

Чу! Смолкла Филомела!

Всю ночь грустя,

Она смутить не смела

Твой сон, дитя.

Но рдеет на востоке:

Вот луч зари

Твои целует щеки,

О, посмотри!

Нет, ты прильнула к спящей

Сестре своей

И грезишь вновь - тем слаще

Чем день светлей.

Ты спишь! Гляжу украдкой,

Как тих твой сон.

Слезой печали сладкой

Я ослеплен.

И кто пройдет, спокойный,

Кто будет глух!

Чей может, недостойный,

Не дрогнуть дух!

Ты спишь! Иль нежной снится

О, счастье! - тот,

Кто здесь, бродя, томится

И муз клянет,

Краснеет и бледнеет,

Ночей не спит,

Чья кровь то леденеет,

То вновь кипит.

Ты проспала признанья,

Плач соловья,

Так слушай в наказанье,

Вот песнь моя!

Я вырвался из плена

Назревших строф.

Красавица! Камена!

Услышь мой зов!

1771

МАЙСКАЯ ПЕСНЯ

Как все ликует,

Поет, звенит!

В цвету долина,

В огне зенит!

Трепещет каждый

На ветке лист,

Не молкнет в рощах

Веселый свист.

Как эту радость

В груди вместить!

Смотреть! и слушать!

Дышать! и жить!

Любовь, роскошен

Твой щедрый пир!

Твое творенье

Безмерный мир!

Ты все даришь мне:

В саду цветов,

И злак на ниве,

И гроздный сок!..

Скорее, друг мой,

На грудь мою!

О, как ты любишь!

Как я люблю!

Находит ландыш

Тенистый лес,

Стремится птица

В простор небес.

А мне любовь лишь

Твоя нужна,

Дает мне радость

И жизнь она.

Мой друг, для счастья,

Любя, живи,

Найдешь ты счастье

В своей любви!

СВИДАНИЕ И РАЗЛУКА

Душа в огне, нет силы боле,
Скорей в седло и на простор!
Уж вечер плыл, лаская поле,
Висела ночь у края гор.
Уже стоял, одетый мраком,
Огромный дуб, встречая нас;
И тьма, гнездясь по буеракам,
Смотрела сотней черных глаз.
Исполнен сладостной печали,
Светился в тучах лик луны,
Крылами ветры помавали,
Зловещих шорохов полны.
Толпою чудищ ночь глядела,
Но сердце пело, неся конь,
Какая жизнь во мне кипела,
Какой во мне пылал огонь!
В моих мечтах лишь ты носилась,
Твой взор так сладостно горел,
Что вся душа к тебе стремилась
И каждый вздох к тебе летел.
И вот конец моей дороги,
И ты, овеяна весной,
Опять со мной! Со мной! О боги!
Чем заслужил я рай земной?
Но - ах! - лишь утро засияло,
Угасли милые черты.
О, как меня ты целовала,
С какой тоской смотрела ты!
Я встал, душа рвалась на части,
И ты одна осталась вновь...
И все ж любить - какое счастье!
Какой восторг - твоя любовь!

ДИКАЯ РОЗА

Мальчик розу увидал,

Розу в чистом поле,

К ней он близко подбежал,

Аромат ее впивал,

Любовался вволю.

Роза, роза, алый цвет,

Роза в чистом поле!

“Роза, я сломяю тебя,

Роза в чистом поле!”

“Мальчик, укою тебя,

Чтобы помнил ты меня!

Не стерплю я боли”.

Роза, роза, алый цвет,

Роза в чистом поле!

Он сорвал, забывши страх,

Розу в чистом поле,

Кровь алела на шипах.

Но она - увы и ах!

Не спаслась от боли.

Роза, роза, алый цвет,

Роза в чистом поле!

1771

ПРИВЕТСТВИЕ ДУХА

На старой башне, у реки,

Дух рыцаря стоит

И, лишь завидит челноки,

Приветом их дарит:

“Кипела кровь и в сей груди,

Кулак был из свинца,

И богатырский мозг в кости,

И кубок до конца!

Пробушевал полжизни я,

Другую проволоку:

А ты плыви, плыви, ладья,

Куда несет поток!”

ВЕЧЕРНЯЯ ПЕСНЬ ХУДОЖНИКА

Когда бы клад высоких сил

В груди, звеня, открылся!

И мир, что в сердце зрел и жил,

Из недр к перстам пролился!

Бросает в дрожь, терзает боль,

Но не могу смириться,

Всем одарив меня, изволь,

Природа, покориться!

Могу ль забыть, как глаз обрел

Нежданное прозренья?

Как дух в глухих песках нашёл

Источник вдохновенья?

Как ты дивишь, томишь меня

То радостью, то гнетом!

Струями тонкими звеня,

Вздымаясь водометом.

Ты дар дремавший, знаю я,

В моей груди омыла

И узкий жребий для меня

В безбрежность обратила!

МАЛЬЧИК С СУРКОМ

По разным странам я бродил,

И мой сурок со мною.

И сыт всегда, везде я был,

И мой сурок со мною,

И мой всегда, и мой везде,

И мой сурок со мною.

Господ немало я видал,

И мой сурок со мною.

И любит кто кого, я знал,

И мой сурок со мною,

И мой всегда, и мой везде,

И мой сурок со мною.

Девиц веселых я встречал,

И мой сурок со мною.

Смешил я их, ведь я так мал,

И мой сурок со мною,

И мой всегда, и мой везде,

И мой сурок со мною.

Прошу я грош за песнь мою,

И мой сурок со мною.

Попить, поесть я так люблю,

И мой сурок со мною,

И мой всегда, и мой везде,

И мой сурок со мною.

КРИСТЕЛЬ

Порой уныло я брожу,

Измученный тоской,

А вот на Кристель погляжу

Все снимет как рукой.

И отчего, я не пойму,

Сильней день ото дня,

За что, зачем и почему

Она влечет меня?

Дуга бровей. Лукавство глаз.

Свежа и хороша.

Лишь стоит посмотреть - тотчас

Заходится душа.

А губы ярких роз алей,

Нежнее, чем цветок.

Есть кое-что и покруглей

Ее румяных щек.

Я в танце смог ее обнять,

Прижать к себе плотней.

Летит земля, и не унять

Мне радости своей.

Она, от пляски во хмелю,

Ко мне прильнет сама.

И я подобен королю

И счастлив без ума!

Я нежный взгляд ее пойму

А в нем любовь и страсть.

Ее покрепче обниму,

С ней нацелуюсь всласть.

И вспыхнет жар в моей крови

Так я в нее влюблен.

И я бессилен от любви

И от любви силен.

Все ненасытней с каждым днем

Я к ней одной стремлюсь.

За то чтоб ночь с ней быть вдвоем

Всем в мире поступлюсь.

Откажет мне она и впредь,

Тогда, того гляди,

Не прочь я даже умереть,

...Но на ее груди.

1771?

НАДПИСЬ НА КНИГЕ

“СТРАДАНИЯ ЮНОГО ВЕРТЕРА”

Так любить влюбленный каждый хочет,

Хочет дева быть любимой так.

Ах! зачем порыв святейший точит

Скорби ключ и близит вечный мрак!

Ты его оплакиваешь, милый,

Хочешь имя доброе спасти?

“Мужем будь,- он шепчет из могилы,

Не иди по моему пути”.

НОВАЯ ЛЮБОВЬ, НОВАЯ ЖИЗНЬ

Сердце, сердце, что случилось,

Что смутило жизнь твою?

Жизнью новой ты забилась,

Я тебя не узнаю.

Все прошло, чем ты пылало,

Что любило и желало,

Весь покой, любовь к труду.

Как попало ты в беду?

Беспредельной, мощной силой

Этой юной красоты,

Этой женственностью милой

Пленено до гроба ты.

И возможна ли измена?

Как бежать, уйти из плена,

Волю, крылья обрести?

К ней приводят все пути.

Ах, смотрите, ах, спасите,

Вкруг плутовки, сам не свой,

На чудесной, тонкой нити

Я пляшу, едва живой.

Шить в плену, в волшебной клетке,

Быть под башмачком кокетки,

Как такой позор снести?

Ах, пусти, любовь, пусти!

1775

БЕЛИНДЕ

О, зачем влечешь меня в веселье,

В роскошь людных зал?

Я ли в скромной юношеской келье

Радостей не знал?

Как любил я лунными ночами,

В мирной тишине,

Грезить под скользящими лучами,

Точно в полусне!

Сном о счастье, чистом и глубоком,

Были все мечты.

И во тьме пред умиленным оком

Возникала ты.

Я ли тот, кто в шуме света вздорном,

С чуждою толпой,

Рад сидеть хоть за столом игорным,

Лишь бы быть с тобой!

Нет, весна не в блеске небосвода,

Не в полях она.

Там, где ты, мой ангел, там природа,

Там, где ты,- весна.

ПЕСНЬ СОДРУЖЕСТВА

В хороший час, согреты
Любовью и вином,
Друзья! Мы песню эту
О дружестве споем!
Пусть здесь пирует с нами
Веселья щедрый бог,
Возобновляя пламя,
Что он в сердцах возжег!
Пылая новым жаром,
Сердца слились в одно.
Мы нынче пьем не даром
Без примесей вино!
Дружней стаканы сдвинем
За дружбу новых дней
И старых не покинем
Испытанных друзей.
Нет большего богатства,
Чем дружбы естество.
Вкушайте радость братства,
Свободы торжество!
Как весел голос хора,
Как в лад сердца стучат,
И мелочные ссоры
Наш пир не омрачат.
Нам подарили боги
Свободный, ясный взор.
Выводят нас дороги
На жизненный простор.
Идем все дальше, дальше
Под вольности мотив,
От глупости и фальши
Себя освободив.
И с каждым нашим шагом
Бескрайней этот путь.
В очах горит отвага,

Стучит веселье в грудь.

Пусть мир перевернется

Все выдержат сердца:

Ведь дружба остается

На свете до конца!

НА ОЗЕРЕ

И жизнь, и бодрость, и покой

Дыханьем вольным пью.

Природа, сладко быть с тобой,

Упасть на грудь твою!

Колышась плавно, в лад веслу,

Несет ладью вода.

Ушла в заоблачную мглу

Зубчатых скал гряда.

Взор мой, взор! Иль видишь снова

Золотые сны былого?

Сердце сбрось былого власть,

Вновь приходит жизнь и страсть.

Пьет туман рассветный

Островерхие дали.

Зыбью огнецветной

Волны вдруг засверкали.

Ветер налетевший

Будит зеркало вод,

И, почти созревший,

К влаге клонится плод.

ВЕЧЕРНЯЯ ПЕСНЯ ОХОТНИКА

Брожу я по полю с ружьем,
И светлый образ твой
В воображении моем
Витает предо мной.
А ты, ты видишь ли, скажи,
Порой хоть тень мою,
Когда полями вдоль межи
Спускаешься к ручью?
Хоть тень того, кто скрылся с глаз
И счастьем пренебрег,
В изгнанье от тебя мечась
На запад и восток?
Мысль о тебе врачует дух,
Проходит чувств гроза,
Как если долго в лунный круг
Смотреть во все глаза.

1776

НАДЕЖДА

Приведи мой труд смиренный,

Счастье, к цели вожденной!

Дай управиться с трудами!

Да, я вижу верным взглядом:

Эти прутья станут садом,

Щедрым тенью и плодами,

1776

ОТВАГА

С бодрым духом по глади вдаль,

Где еще ни один смельчак

Не дерзнул проложить пути,

Сам намечай свой путь!

Тише, сердце мое!

Треснет,- что за беда!

Рухнет,- лед, а не ты!

1775-1776

Медлить в деянье,

Ждать подаянья,

Хныкать по-бабьи

В робости рабьей,

Значит - вовеки

Не сбросить оков.

Жить вопреки им

Властям и стихиям,

Не пресмыкаться,

С богами смыкаться,

Значит - быть вольным

Во веки веков!

1776?

НОЧНАЯ ПЕСНЬ ПУТНИКА

Ты, что с неба и вполне

Все страданья укрощаешь

И несчастного вдвойне

Вдвое счастьем наполняешь,

Ах, к чему вся скорбь и радость!

Истомил меня мой путь!

Мира сладость,

Низойди в больную грудь!

ЛЕГЕНДА

В пустыне, спасаясь, жил некий монах.

Он встретил фавна на козьих ногах,

И тот, к его удивленью, сказал;

“Хочу я вкушать блаженство в раю,

Молись за меня и мою семью,

Чтоб нас всевышний на небо взял”,

На это муж святой сказал:

“То, что ты просишь, весьма опасно,

И даже молиться о том напрасно.

Тебя не пустят за райский порог,

Когда увидят, что ты козлоног”,

И фавн ответил на это ему:

“Пусть я козлоног,- что с того, не пойму!

Иных, я знаю, с ослиной башкой

И то впускают в небесный покой”,

1776

НЕИСТОВАЯ ЛЮБОВЬ

Навстречу тучам,

По горным кручам,

Под вой метели,

Сквозь мглу ущелий

Все вперед, все вперед

День и ночь напролет!

Лучше, чем слиться

С земною отрадой,

В муках пробиться

Через преграды!

Вечно влеченья

Властная сила

Ах! лишь мученья

Сердцам приносила!

В дебри уйти ли?

Бежать ее власти?

Тщетны усилья!

Тревожное счастье,

Вершина мечты,

Любовь - это ты!

О, зачем твоей высокой властью
Будущее видеть нам дано
И не верить ни любви, ни счастью,
Как бы ни сияло нам оно!
О судьба, к чему нам дар суровый
Обнажать до глубины сердца
И сквозь все случайные покровы
Постигать друг друга до конца!
Сколько их, кто, в темноте блуждая,
Без надежд, без цели ищут путь,
И не могут, о судьбе гадая,
В собственное сердце заглянуть,
И ликуют, чуть проникнет скудно
Луч далекой радости в окно.
Только нам прельщаться безрассудно
Обоюдным счастьем не дано.
Не дано, лишь сна боясь дурного,
Наяву счастливым грезить сном,
Одному не понимать другого
И любить мечту свою в другом.
Счастлив тот, кто предан снам летящим,
Счастлив, кто предвиденья лишен,
Мир его видений с настоящим,
С будущим и прошлым соглашен.
Что же нам судьба определила?
Чем, скажи, ты связана со мной?
Ах, когда-то - как давно то было!
Ты сестрой была мне иль женой,
Знала все, что в сердце мной таимо,
Каждую извела черту,
Все прочла, что миру в нем незримо,
Мысль мою ловила на лету,
Жар кипящей крови охлаждала,
Возвращала в бурю мне покой,
К новой жизни сердце возрождала,
Прикоснувшись ангельской рукой.

И легко, в волшебно-сладких путях,

Дни текли, как вдохновенный стих.

О, блаженна память о минутах,

О часах у милых ног твоих,

Когда я, в глубоком умиленье

Обновленный, пил живой бальзам,

Сердцем сердца чувствовал биенье

И глазами отвечал глазам!

И теперь одно воспоминанье

Нам сердца смятенные живит,

Ибо в прошлом - истины дыханье,

В настоящем - только боль обид.

И живем неполной жизнью оба,

Нас печалит самый светлый час.

Счастье, что судьбы коварной злоба

Изменить не может нас.

МОРСКОЕ ПЛАВАНЬЕ

Постоял немало мой корабль груженный,
Дождаясь ветра, с давними друзьями
Я топил в вине свою досаду
Здесь, у взморья.
И друзья, вдвойне нетерпеливы,
Мне сказали: "Мы ли не желаем
Дальних странствий другу? Изобилье
Благ в далеких странах ждет приплывших;
Возвратишься для иной награды
К нам в объятья".
И наутро началось движенье.
И моряк, ликуя, сон отбросил,
Все живет, и движется, и рвется
В путь пуститься с первым вздохом утра.
Паруса под ветром заходили,
И веселым светом солнце манит.
Мчись, мой парус! Мчитесь, тучи, в небе!
И поют вослед отплывшим други
Песнь бодрящую, в ней поминая
Радость дальних странствий, срок отплытья
И большие звезды первой ночи.
Но - увы! - богами высланные ветры
В сторону с пути срывают судно,
И оно по виду уступает,
Но, пытаясь их перелукавить,
Помнит цель и на худой дороге.
Вдруг из мертвенной, свинцовой дали
Тихо кликнула морская буря,
Птиц прижала к заходившим водам,
Тяжким гнетом душ людских коснулась
И пришла. Гневливой не переча,
Мореходы паруса свернули;
И мячом испуганным играют
Ветр и волны.
А на дальнем берегу подруги

И друзья стоят, терзаясь в страхе:

Ах, зачем он не остался дома!

Буен ветер! В даль относит счастье!

Вправду ль другу суждена погибель?

Ах, почто он в путь пустился? Боги!

Но стоит он у руля, недвижим;

Кораблем играют ветер и волны,

Ветр и волны, но не сердцем мужа.

Властно смотрит он в смятенный сумрак

И вверяет гибель и спасенье

Горним силам.

1776

К МЕСЯЦУ

Зыбким светом облекла

Долы и кусты,

В мир забвенья унесла

Чувства и мечты.

Успокоила во мне

Дум смятенных рой,

Верным другом в вышине

Встала надо мной.

Эхо жизни прожитой

Вновь тревожит грудь,

Меж весельем и тоской

Одинок мой путь.

О, шуми, шуми, вода!

Буду ль счастлив вновь?

Все исчезло без следа

Радость и любовь.

Самым лучшим я владел,

Но бегут года.

Горек, сердце, твой удел

Жить в былом всегда.

О вода, шуми и пой

В тишине полей.

Слей певучий говор твой

С песнею моей,

По-осеннему ль черна,

Бурно мчишься ты,

По-весеннему ль ясна,

И поишь цветы.

Счастлив, кто бежал людей,

Злобы не тая,

Кто обрел в кругу друзей

Радость бытия!

Все, о чем мы в вихре дум

И не вспомним днем,

Наполняет праздный ум

В сумраке ночном.

1775/1776

УШЕДШЕЙ

Так ты ушла? Ни сном ни духом

Я не виновен пред тобой.

Еще ловлю привычным слухом

Твои слова и голос твой.

Как путник с беспокойством смутным

Глядит в бездонный небосвод,

Где жаворонок ранним утром

Над ним - невидимый - поет;

Как взгляд мой, полный нетерпенья,

Следит - сквозь чащи - даль и высь,

Так все мои стихотворенья

“Вернись! - безумствуют.- Вернись!”

1788?

ДРУГАЯ

Горные вершины

Спят во тьме ночной,

Тихие долины

Полны свежей мглой;

Не пылит дорога,

Не дрожат листья...

Подожди немного

Отдохнешь и ты!

ИЛЬМЕНАУ

Привет отчизне юности моей!

О тихий дол, зеленая дуброва!

Раскройте мне свои объятия снова,

Примите в сень раскидистых ветвей!

Пролейте в грудь бальзам веселья и любви.

Да закипит целебный ключ в крови!

Не раз, гора, к твоим стопам могучим

Влеком бывал я жребием летучим.

Сегодня вновь мой новый юный рай

На склонах мягких обрести мне дай!

Как вы, холмы, эдема я достоин:

Как ваш простор, мой каждый день спокоен.

И пусть забуду, что и здесь, как там,

Обречены живущие цепям,

Что сеет селянин в песок зерно свое

И строит притеснителю жилье,

Что тяжек труд голодный горняка,

Что слабых душит сильная рука.

Приют желанный, обнови мне кровь,

И пусть сегодня жить начну я вновь.

Мне любо здесь! Былые сны мне снятся,

И в сердце рифмы прежние теснятся.

Вдали от всех, с собой наедине,

Пью аромат, давно знакомый мне.

Чудесен шум дубов высокоствольных,

Чудесен звон потоков своевольных!

Нависла туча, даль в туман ушла.

И смолкло все. Нисходят ночь и мгла.

Под звездными ночными небесами

Где мой забытый путь в тиши лесов?

Какими даль рокошет голосами?

Зачем утесом отражен их зов?

Я, как ловец на дальний клич оленей,

Иду - подслушать смысл таинственных явлений,

В какой волшебный мир попал я вдруг?

Там, под скалой, кто правит пир ночной?

Среди покрытых хворостом лачуг

Трещит костер веселый предо мной.

Трепещет свет на елях в вышине,

И попевает ужин на огне.

Разгульный смех, и шутки, и по кругу

Тяжелый ковш передают друг другу,

С чем я сравню шумящий этот стан?

Их дикой пестроте дивлюсь незримо.

Кто все они? Каких питомцы стран?

Приблизиться? Пойти ли молча мимо?

То призраки? Иль дикие стрелки?

Иль гномы варят зелье там, колдуя?

В кустах другие вижу огоньки.

Едва, боязни полный, не бегу я.

То на ночлег толпа цыган сошлась?

Иль, как в Арденнах, здесь бежавший князь?

Иль я в лесной глуши, вдали от мира,

Заблудший, встретил призраков Шекспира?

Да, мысль верна: скорей всего они,

Или, бесспорно, кто-то им сродни.

В их облике - роскошный дух свободы.

Их грубость благородна от природы.

Но кто среди них,- широкоплеч, красив,

Лениво стан могучий наклонив,

Цветистый плащ за плечи перекинув,

Сидит вблизи костра,- потомок исполинов?

Сосет он свой излюбленный чубук,

И вьется дыма облако вокруг.

Его словечко сдержанно-сухое

Веселье вызывает громовое,

Когда он примет строгий вид

И чуждым языком, шутя, заговорит.

А кто другой, что в отдаленье

Прилег на ствол поверженной сосны?

Каким блаженным сладострастьем лени

Все члены тела стройного полны!

Не для друзей - мечтой затерян в безднах,

Стремясь на крыльях духа в небосвод,
Он о вращенье сфер тысячезвездных
Песнь однозвучную, забыв весь мир, поет.
Но что ж погасло пира оживленье?
Все зашептались в видимом смущенье.
Их речь - о юноше, что там, в уединенье,
Где воет водопад, грызя в ночи гранит,
Где отсвет пламени дрожит пятном багровым,
Под одиноким, тихим кровом,
Не слыша гневных волн, вдали от пира спит.
Устав от шума, сердцем чужд веселью,
Я отошел - и зашагал к ущелью.
Привет близ этой хижины тому,
Кто, сон забыв, глядит в ночную тьму!
Зачем ты здесь, глубокой думы полный,
Сидишь вдали от радостных гуляк?
О чем ты грезишь, грустный и безмолвный,
Зачем свечою не разгонишь мрак?
“Не вопрошай! Молчания печать
Я не сорву, пришелец, пред тобою.
Пускай одной ты движим добротою,
Мой жребий здесь - томиться и молчать.
Я не открою, даже другом спрошен,
Откуда я, кем изгнан, где блуждал.
Из дальних стран сюда я жизнью брошен,
И я за дружбу пострадал.
Кто может знать себя и сил своих предел?
И дерзкий путь заказан разве смелым?
Лишь время выявит, что ты свершить сумел,
Что было злым, что - добрым делом.
Ведь Прометей вдохнул небес чистейший жар
В бездушный ком земли обожествленной,
И что ж,- лишь кровь земную в дар
Принес он персти оживленной.
На алтаре огонь похитил я живой
Он разве чистым пламенем разлился?
Но, хоть пожар взметнулся роковой,

Себя я проклял, но не уstraшилcя.

Когда я вольность пел в невинности своей,

Честь, мужество, гражданство без цепей,

Свободу чувств и самоутверждение,

Я благосклонность меж людей снискал,

Но бог, увы! искусства мне не дал,

Искусства жалкого - притворства в поведенье.

И вот я здесь - высок падением своим,

Наказан без вины и счастлив, хоть гоним.

Но тише! Это скромное жильё

Хранит все благо, все страдание мое;

Возвышенное сердце, что судьбой

Уведено с путей природных,

Что, след найдя, должно бороться то с собой,

То с легионом призраков бесплодных.

О, лишь трудами обретет оно

То, что ему с рождения дано!

Ни слово чувств его высоких не откроет,

Ни песня бурных волн не успокоит.

Кто, гусеницу видя на коре,

О будущей заговорит с ней пище?

Кто куколке, на утренней заре,

Разбить поможет нежное жилище?

Но пути разорвать настанет срок,

И к розе полетит вспорхнувший мотылек.

И вот закон: должны промчаться годы,

Чтоб он сумел на путь попасть.

Хоть к истине влеком он от природы,

В нем заблужденья будят страсть.

Спешит он в жажде впечатлений,

Троп недоступных нет, и трудных нет высот!

Пока несчастье, злобный гений,

Его в объятия страданья не толкнет.

Тогда болезненная сила напряженья

Его стремится, влачит могучею рукой,

И от постылого движенья

В постылый он бежит покой.

И в самый яркий день - угрюмый,

И без цепей узнав тяжелый гнет,
Душой разбит, с мучительною думой,
На жестком ложе он уснет.
А я, с трудом дыша, в чужой стране,
Глазами к вольным звездам обращаюсь
И наяву, как в тяжком сне,
От снов ужасных защищаюсь”.
Исчезни, сон! О музы, вам хвала!
Навек я ваш, и нет пути другого!
Как перед солнцем - тает ночи мгла
Пред силой пламенного слова.
Светлеет даль, туман бежит,
И тьма рассеялась. О боги, свет и сила!
Восходит Истины светило,
Вокруг прекрасный мир лежит.
В его лучах растаял призрак бледный,
И новой жизни здесь блистает день победный.
Из путешествия вернувшись к отчей сени,
Прилежный вижу я народ,
Что трудится, не зная лени,
Используя дары природы круглый год,
С кудели нить летит проворно
На бердо ткацкого станка,
Не дремлют праздно молот и кирка,
Не остывает пламень горна.
Разоблачен обман, порядок утвержден,
И мирно край цветет, и счастьем дышит он.
Я вижу, князь, в стране, тобой хранимой,
Прообраз дней твоих живой.
Ты, помня долг владык неустрашимый,
Им ограничил дух свободный свой.
Тот прихоти покорствуется влеченью,
Кто для себя, одним собой живет.
Но тот, кто хочет свой вести народ,
Учиться должен самоотреченью.
Так бодро сей - вознаградится труд,
Но не бросай зерно и там и тут,

Как сеятель, чьей лени все равно,

На пыльный путь иль в ров падет зерно.

Нет, сильной по-мужски и мудрою рукой

Обильно ты посеи и дай земле покой.

И жатвой ты свою обрадуешь державу

Себе и всем твоим во славу.

НОЯБРЬСКАЯ ПЕСНЯ

Стрелку,- но не тому, кто сед,
Кто правит солнца бег,
Скрывает мглой небесный свет
И шлет нам первый снег,
Но мальчику восторг певца!
Почтим того хвалой,
Кто ранит нежные сердца
Волшебною стрелой.
Он согревает мрак ночей
Порою зимних вьюг,
Дарит нам преданных друзей
И сладостных подруг.
Да вознесем его к звездам,
Чтоб вечно меж светил
Он, светлый, улыбаясь нам,
Всходил и заходил,

АМУР-ЖИВОПИСЕЦ

На скале сидел я ранним утром,
Пристально глядел в туман рассветный,
Точно холст, покрытый серым грунтом,
Вширь и ввысь он затянул окрестность.
Подошел ко мне какой-то мальчик
И воскликнул: “Что ты, друг любезный,
В полотно уставился глазами?
Иль навеки потерял охоту
Красками орудовать и кистью?”
На дитя взглянул я и подумал:
“Ишь, наставник у меня нашелся!”
“Так сидеть бездейственно и мрачно,
Молвил мальчик,- выйдет мало толку.
Хочешь, я картину нарисую,
Научу, как пишутся картины?”
И тотчас же пальчиком искусным,
Розовым и белым, точно роза,
Быстро начал по холсту водить он,
Пальцем начал рисовать картину.
Наверху изобразил он солнце
В блеске ослепительно прекрасном,
Облака, с краями золотыми
В тех местах, где луч сквозь них пробился.
Трепетными, легкими мазками
Лес наметил, от росы блестящий,
А за лесом широко и вольно
Цепь холмов волнистую раскинул.
Безводья не обошлось в картине
Написал и речку, так правдиво,
Будто солнце на воде сверкало,
Будто волны на песок плескались.
За рекой простерся луг с цветами,
На лугу зажглись, затрепетали
Зелень, пурпур, золото, эмали,
Россыпи рубинов и смарагдов.

А над всем - лазурный купол неба,

И вдали - синеющие горы.

Восхищенный, то на живописца

Я глядел, то на его картину.

“Ну, теперь ты видишь,- мне сказал он,

В этом деле кое-что я смыслю,

Но нора заняться самым трудным”,

И тогда, с великим прилежаньем,

Написал он пальчиком искусным

Па опушке леса, там, где солнце

Ярким светом зелень заливало,

Написал прелестную пастушку,

Стройную, в простом, открытом платье,

Синий взор и розовые щеки,

Розы-щеки, схожие по цвету

С пальчиком, который сотворил их,

“О дитя! - вскричал я.- У кого ты,

У какого мастера учился

Рисовать так верно и правдиво

И с таким высоким совершенством?”

Не успел еще договорить я,

Закачались ветви на деревьях,

Легкий ветер закурчавил воду,

Взвил косынку на кудрях пастушки,

И тогда,- о, как я изумился!

Девушка ногой переступила,

Обернулась и пошла к утесу,

Где сидели я и мой учитель.

И когда все, все пришло в движенье,

Воздух, волны, листья, и косынка,

И сама красавица - о боги!

Мог ли я недвижно, будто камень,

Усидеть на каменном утесе!

ШТИЛЬ НА МОРЕ

Дремлют воды. Недвижимый

Словно скован кругозор,

И с тревогой корабельщик

Смотрит в сумрачный простор.

Иль не стало ветра в мире?

Мертвенная тишина.

Ни одна в бескрайней шири

Не шелхнется волна.

НЕЖДАННАЯ ВЕСНА

Впрямь ли настали

Вешние дни?

Солнце и дали.

Дарят они.

Что это - нивы?

Луг или лог?

Всюду бурливый

Плещет поток,

В небе, в озерах

Блеск серебра

И златоперых

Рыбок игра.

Тучам вдогонку

Крылья шуршат

С ясной и звонкой

Музыкой в лад.

Роем веселым

По берегам

Лакомки-пчелы

Никнут к цветам.

Воздух как будто

Дрожью пронзен.

Сладкая смута

И полусон,

Ветры взыграют,

Куст всполошат

И прилетают,

Стихнув, назад

В мягкие узы

Грудь оплести.

В помощь мне, музы,

Счастье нести!

В сутолке пестрой

Сам я не свой:

Легкие сестры,

ТОМЛЕНИЕ

Что стало со мною,
Что в сердце моем?
Как душен, как тесен
Мой угол, мой дом!
В просторы, где тучи,
Где ветер всегда,
Туда, на вершины,
Скорее туда!
Вон черные птицы
По небу летят.
О птицы, я с вами,
Ваш спутник, ваш брат!
Под нами утесы,
Под нами стена.
Ее ли там вижу?
Она здесь, она!
Идет и мечтает.
За нею, с небес,
Я птицей поющей
В раскидистый лес.
Идет и внимает
Лесной тишине:
“Как сладко поет он,
Поет обо мне!”
Вечернее солнце
Холмы золотит.
Прекрасная дева
На солнце глядит.
Идет над рекою,
Зеленым лужком.
Пропала тропинка,
Стемнело кругом.
Но тут я звездою
Блеснул в вышине.
“Что светит так ярко,

Так ласково мне?”

Ты на небо смотришь,

О, радостный миг!

К ногам твоим паля,

Я счастья достиг!

ЗАСТОЛЬНАЯ

Дух мой рвется к небесам
В заблужденье странном:
Не пуцусь ли я и впрямь
В путь по звездным странам?
Нет, хочу остаться здесь,
В мире безобманном,
Чтобы пить вино, и петь,
И звенеть стаканом!
Если ж кто-нибудь, друзья,
Спросит, что со мною,
Славно жить, отвечу я,
На земле порою,
И поэтому, клянусь
Честью и душою,
Никогда не разлучусь
С милой я землею.
Но пока мы за столом,
Жажде нет запрета,
Пусть поет в бокалах ром
В такт строкам поэта!
Разбредемся мы в свой час,
Кто куда, по свету,
Чокнемся ж, пока у нас
Дружбой жизнь согрета.
Так за здоровье ж тех, кто здоров,
Тех, чья жизнь - отрада!
Первый тост за короля,
Следуя обряду:
Чтоб грозой своих врагов
Был он, выпить надо,
Чтоб сидел на троне он,
Не жалея зада!
А теперь бокал полней
И побольше жажды,
О единственной своей

Думает пусть каждый.

Пью за ту, кого навек

Полюбил однажды,

За прекрасную мою

Пью подряд я дважды!

Третий счетом тост за тех,

Кто делил годами

Дружно радость и печаль

С нашими сердцами.

Пить отрадно и легко

За друзей с друзьями

И за тех, кто далеко,

И за тех, кто с нами.

Бурной радости поток

Не могу сдержать я,

Не устану без конца

Дружбу воспевать я.

Постучится в дверь беда,

Мы скрепим объятья,

Солнце дружбы никогда

Не померкнет, братья!

Верьте мне, не близок путь

К морю от порога,

Много мелет мельниц тут,

И дорог тут много...

И другие пьют, как мы,

Не сужу их строго,

Благо мира - вот куда

Нас ведет дорога.

УТЕШЕНИЕ В СЛЕЗАХ

Скажи, что так задумчив ты?

Все весело вокруг;

В твоих глазах печали след;

Ты, верно, плакал, друг?

“О чем грущу, то в сердце мне

Запало глубоко;

А слезы... слезы в сладость нам,

От них душе легко”.

К тебе ласкаются друзья,

Их ласки не дичись;

И, что бы ни утратил ты,

Утратой поделись.

“Как вам, счастливым, то понять,

Что понял я с тоской?

О чем... но нет! оно мое,

Хотя и не со мной”.

Не унывай же, ободрись,

Еще ты в цвете лет;

Ищи - найдешь; отважным, друг,

Несбыточного нет.

“Увы! напрасные слова!

Найдешь - сказать легко;

Мне до него, как до звезды

Небесной, далеко”.

На что ж искать далеких звезд?

Для неба их краса.

Любуйся ими в ясну ночь,

Не мысля в небеса.

“Ах, я люблюсь в ясный день,

Нет сил и глаз отвести.

А ночью... ночью плакать мне,

Покуда слезы есть”.

1803

САМОБОЛЬЩЕНИЕ

Качнулся легкий тюль в окне

Моей соседки вдруг...

Она сейчас глядит ко мне,

Полна душевных мук.

Ей хочется узнать - мой гнев,

Что ревностью зажжен,

Погас ли в сердце, охладев,

Иль все пылает он?

Но нет, любовною мечтой

Был мой обманут взор:

То просто ветер озорной

Играет тканью штор.

1802/1803

НАШЕЛ

Бродил я лесом...

В глуши его

Найти не чаял

Я ничего.

Смотрю, цветочек

В тени ветвей,

Всех глаз прекрасней,

Всех звезд светлей.

Простер я руку,

Но молвил он:

“Ужель погибнуть

Я осужден?”

Я взял с корнями

Питомца рос

И в сад прохладный

К себе отнес.

В тиши местечко

Ему отвел.

Цветет он снова,

Как прежде цвел.

1813

В ПОЛНОЧНЫЙ ЧАС

В полночный час, кляня свой горький жребий,

Я, мальчик малый, шел через погост

Домой, к отцу, священнику, а в небе

Так много искрилось красивых звезд

В полночный час.

Когда поздней, изведав даль скитаний

Я к милой шел, не в силах не идти.

Под распрей звезд и северных сияний,

Я пил блаженство каждый шаг пути

В полночный час.

И, наконец, так четко и так ясно

Врезалась в сумрак полная луна,

И мысль была легко, свободно, властно

С прошедшим и с грядущим сплетена

В полночный час.

1818

ИЗ "ВИЛЬГЕЛЬМА МЕЙСТЕРА"

МИНЬОНА

Ты знаешь край лимонных рощ в цвету,

Где пурпур королька прильнул к листу,

Где негой Юга дышит небосклон,

Где дремлет мирт, где лавр заморожен?

Ты там бывал?

Туда, туда,

Возлюбленный, нам скрывать б навсегда.

Ты видел дом? Великолепный фриз

С высот колонн у входа смотрит вниз,

И изваянья задают вопрос:

Кто эту боль, дитя, тебе нанес?

Ты там бывал?

Туда, туда,

Уйти б, мой покровитель, навсегда.

Ты с гор на облака у ног взглянул?

Взбирается сквозь них с усилием мул,

Драконы в глубине пещер шипят,

Гремит обвал, и плещет водопад.

Ты там бывал?

Туда, туда,

Давай уйдем, отец мой, навсегда!

1784

2

Сдержись, я тайны не нарушу,
Молчанье в долг мне вменено.
Я б всю тебе открыла душу,
Будь это роком суждено.
Расходится ночная мгла
При виде солнца у порога,
И размыкается скала,
Чтоб дать источнику дорогу.
И есть у любящих предлог
Всю душу изливать в признание,
А я молчу, и только бог
Разжать уста мне в состоянье.

1795

3

Кто знал тоску, поймет

Мои страдания!

Гляжу на небосвод,

И душу ранит.

В той стороне живет,

Кто всех желанней:

Ушел за поворот

По той поляне.

Шалею от невзгод,

Глаза туманит...

Кто знал тоску, поймет

Мои страдания.

Я покрасуюсь в платье белом,
Покамест сроки не пришли,
Покамест я к другим пределам
Под землю не ушла с земли.
Свою недолгую отсрочку
Я там спокойно пролежу
И сброшу эту оболочку,
Венок и пояс развяжу.
И, встав, глазами мир окину,
Где силам неба все равно,
Ты женщина или мужчина,
Но тело все просветлено.
Беспечно дни мои бежали,
Но оставлял следы их бег.
Теперь, состарясь от печали,
Хочу помолодеть навек.

Кто одинок, того звезда

Горит особняком.

Все любят жизнь, кому нужда

Общаться с чудаком?

Оставьте боль мучений мне.

С тоской наедине

Я одинок, но ее один

В кругу своих кручин.

Как любящий исподтишка

К любимой входит в дом,

Так крадется ко мне тоска

Днем и при свете ночника,

При свете ночника и днем,

На цыпочках тайком.

И лишь в могиле под землей

Она мне даст покой,

1782

2

Подойду к дверям с котомкой,

Кротко всякий дар приму,

Поблагодарю негромко,

Вскину на плечи суму.

В сердце каждого - заноза

Молчаливый мой приход:

С силой сдерживает слезы

Всякий, кто мне подает.

Кто с хлебом слез своих не ел,

Кто в жизни целыми ночами

На ложе, плача, не сидел,

Тот незнаком с небесными властями.

Они нас в бытие манят

Заводят слабость в преступленья

И после муками казнят:

Нет на земле проступка без отмщенья!

БАЛЛАДЫ

ФИАЛКА

Фиалка на лугу одна

Росла, невзрачна и скромна,

То был цветочек кроткий.

Пастушка по тропинке шла,

Стройна, легка, лицом бела,

Шажком, лужком

С веселой песней шла.

“Ах! - вздумал цветик наш мечтать,

Когда бы мне всех краше стать

Хотя б на срок короткий!

Тогда она меня сорвет

И к сердцу невзначай прижмет!

На миг, на миг,

Хоть на единый миг”.

Но девушка цветка - увы!

Не углядела средь травы,

Поник наш цветик кроткий.

Но, увядая, все твердил:

“Как счастлив я, что смерть испил

У ног, у ног,

У милых ног ее”.

1773

ФУЛЬСКИЙ КОРОЛЬ

Король жил в Фуле дальней,

И кубок золотой

Хранил он, дар прощальный

Возлюбленной одной.

Когда он пил из кубка,

Оглядывая зал,

Он вспоминал голубку

И слезы утирал.

И в смертный час тяжелый

Он роздал княжеств тьму

И все, вплоть до престола,

А кубок - никому.

Со свитой в полном сборе

Он у прибрежных скал

В своем дворце у моря

Прощальный пир давал.

И кубок свой червонный,

Осушенный до дна,

Он бросил вниз, с балкона,

Где выла глубина.

В тот миг, когда пучиной

Был кубок поглощен,

Пришла ему кончина,

И больше не пил он,

1774

РЫБАК

Бежит волна, шумит волна!

Задумчив, над рекой

Сидит рыбак; душа полна

Прохладной тишиной.

Сидит он час, сидит другой;

Вдруг шум в волнах притих.

И влажною всплыла главой

Красавица из них.

Глядит она, поет она:

“Зачем ты мой народ

Манишь, влечешь с родного дна

В кипучий жар из вод?

Ах! если б знал, как рыбкой жить

Привольно в глубине,

Не стал бы ты себя томить

На знойной вышине.

Не часто ль солнце образ свой

Купает в лоне вод?

Не свежей ли горит красой

Его из них исход?

Не с ними ли свод неба слит

Прохладно-голубой?

Не в лоно ль их тебя манит

И лик твой молодой?”

Бежит волна, шумит волна...

На берег вал плеснул!

В нем вся душа тоски полна,

Как будто друг щепнул!

Она поет, она манит

Знать, час его настал!

К нему она, он к ней бежит...

И след навек пропал.

ЛЕСНОЙ ЦАРЬ

Кто скачет, кто мчится под холодной мглой?

Ездок запоздалый, с ним сын молодой.

К отцу, весь издрогнув, малютка приник;

Обняв, его держит и греет старик.

“Дитя, что ко мне ты так робко прильнул?”

“Родимый, лесной царь в глаза мне сверкнул:

Он в темной короне, с густой бородой”.

“О нет, то белеет туман над водой”.

“Дитя, оглянися, младенец, ко мне;

Веселого много в моей стороне:

Цветы бирюзовы, жемчужны струи;

Из золота слиты чертоги мои”.

“Родимый, лесной царь со мной говорит:

Он золото, перлы и радость сулит”.

“О нет, мой младенец, ослышался ты:

То ветер, проснувшись, колыхнул листы”.

“Ко мне, мой младенец! В дуброве моей

Узнаешь прекрасных моих дочерей;

При месяце будут играть и летать,

Играя, летая, тебя усыплять”.

“Родимый, лесной царь созвал дочерей:

Мне, вижу, кивают из темных ветвей”.

“О нет, все спокойно в ночной глубине:

То ветлы седые стоят в стороне”.

“Дитя, я пленился твоей красотой:

Неволей иль волей, а будешь ты мой”.

“Родимый, лесной царь пас хочет догнать;

Уж вот он: мне душно, мне тяжело дышать”.

Ездок оробелый не скачет, летит;

Младенец тоскует, младенец кричит;

Ездок погоняет, ездок доскакал...

В руках его мертвый младенец лежал.

ПЕВЕЦ

“Что там за звуки пред крыльцом?

За гласы пред вратами?

В высоком тереме моем

Раздайся песнь пред нами!..”

Король сказал, и паж бежит.

Вернулся паж, король гласит:

“Скорей впустите старца!”

“Хвала вам, витязи, п честь,

Вам, дамы, обожанья!..

Как звезды в небе перечесть?

Кто знает их названья?

Хоть взор манит сей рай чудес,

Закройся взор, не время здесь

Вас праздну тешить, очи!”

Седой певец глаза смежил

И в струны грянул живо,

У смелых взор смелей горит,

У жен поник стыдливо...

Пленился царь его игрой

И шлет за цепью золотой

Почтить певца седого.

“Златой мне цепи не давай.

Награды сей не стою,

Ее ты рыцарям отдай

Бесстрашным среди бою,

Отдай ее своим дьякам,

Прибавь к их прочим тяготам

Сие златое бремя!..

По божьей воле я пою

Как птичка в поднебесье,

Не чая мзды за песнь свою

Мне песнь сама возмездье!

Просил бы милости одной:

Вели мне кубок золотой

Вином наполнить светлым!”

Он кубок взял и осушил

И слово молвил с жаром:

“Тот дом сам бог благословил,

Где это - скудным даром!

Свою вам милость он пошли

И вас утешь на сей земли,

Как я утешен вами!”

КЛАДОИСКАТЕЛЬ

И суму, и тяжесть горя

На себе влачил я годы.

Бедность - нет страшной невзгоды,

Злато мне всего милей!

И решил, с судьбою споря:

Клад заветный я отрою.

“За него плачу душою!”

Кровью начертал своей.

Круг магический отмерив,

Как велит волшбы ученье,

Кости жег я и коренья

И заклятье прошептал.

Так, премудрости поверив,

Думал я - по всем приметам

Клад найду на месте этом;

Темноты был страшен шквал.

По пробился издалека

Свет сияющий и чистый,

Словно блеск звезды лучистой,

Разливался он вокруг.

Полночью, во тьме глубокой,

Светлые струились волны,

Преде мною с чашей полной

Дивный отрок вырос вдруг,

В темный круг вступил он гордо,

Кудри розами увиты,

Отражает взор открытый

Блеск небесного огня.

Чаша полная простерта!

Я подумал: отрок милый

Не посланец темной силы,

Не погубит он меня.

“Пей из кубка жизни ясной,

И постигнешь поученье,

И не станешь в нетерпенье

О сокровищах скорбеть.

Позабудешь труд напрасный!

Дни - заботам! Смех - досугу!

Пот - неделям! Праздник - другу!

Будь твоим заклитьем впредь”,

КОРИНФСКАЯ НЕВЕСТА

Из Афин в Коринф многоколонный

Юный гость приходит, незнаком,

Там когда-то житель благосклонный

Хлеб и соль водил с его отцом;

И детей они

В их молодые дни

Нарекли невестой с женихом.

Но какой для доброго приема

От него потребуют цены?

Он - дитя языческого дома,

А они - недавно крещены!

Где за веру спор,

Там, как ветром сор,

И любовь и дружба сметены!

Вся семья давно уж отдыхает,

Только мать одна еще не спит,

Благодушно гостя принимает

И покой отвести ему спешит;

Лучшее вино

Ею внесено,

Хлебом стол и яствами покрыт.

И, простясь, ночник ему зажженный

Ставит мать, но ото всех тревог

Уж усталый он и полусонный,

Без еды, не раздеваясь, лег,

Как сквозь двери тьму

Двигается к нему

Станный гость бесшумно на порог.

Входит дева медленно и скромно,

Вся покрыта белой пеленой:

Вкруг косы ее, густой и темной,

Блещет венчик черно-золотой.

Юношу узрев,

Стала, оробев,

С приподнятой бледною рукой.

Видно, в доме я уже чужая,
Так она со вздохом говорит,
Что вошла, о госте сем не зная,
И теперь меня объемлет стыд;
Спи ж спокойным сном
На одре своем,
Я уйду опять в мой темный скит!”
“Дева, стой,- воскликнул он,- со мною
Подожди до утренней поры!
Вот, смотри, Церерой золотою,
Вакхом вот посланные дары;
А с тобой придет
Молодой Эрот,
Им же светлы игры и пиры!”
“Отступи, о юноша, я боле
Непричастна радости земной;
Шаг свершен родительскою волей:
На одре болезни роковой
Поклялася мать
Небесам отдать
Жизнь мою, и юность, и покой!
И богов веселых рой родимый
Новой веры сила изгнала,
И теперь царит один незримый,
Одному распятому хвала!
Агнцы боле тут
Жертвой не падут,
Но людские жертвы без числа!”
И ее он взвешивает речи:
“Неужель теперь, в тиши ночной,
С женихом не чаявшая встречи,
То стоит невеста предо мной?
О, отдайся ж мне,
Будь моей вполне,
Нас венчали клятвою двойной!”
“Мне не быть твоею, отрок милый,
Ты мечты напрасной не лелей,
Скоро буду взята я могилой,

Ты ж сестре назначен уж моей;

Но в блаженном сне

Думай обо мне,

Обо мне, когда ты будешь с ней!”

“Нет, да светит пламя сей лампы

Нам Гимена факелом святым,

И тебя для жизни, для отрады

Уведу к пенатам я моим!

Верь мне, друг, о верь,

Мы вдвоем теперь

Брачный пир нежданно совершим!”

И они меняются дарами:

Цепь она спешит златую снять,

Чашу он с узорными краями

В знак союза хочет ей отдать;

Но она к нему:

“Чаши не приму,

Лишь волос твоих возьму я прядь!”

Полночь бьет - и взор, доселе хладный,

Заблестал, лицо оживлено,

И уста бесцветные пьют жадно

С темной кровью схожее вино;

Хлеба ж со стола

Вовсе не взяла,

Словно ей вкушать запрещено.

И фиал она ему подносит,

Вместе с ней он ток багровый пьет,

Но ее объятий как ни просит,

Все она противится - и вот,

Тяжко огорчен,

Пал на ложе он

И в бессильной страсти слезы льет.

И она к нему, ласкаясь, села:

“Жалко мучить мне тебя, но, ах,

Моего когда коснешься тела,

Неземной тебя охватит страх:

Я как снег бледна,

Я как лед хладна,
Не согреюсь я в твоих руках!”
Но, кипящий жизненной силой,
Он ее в объятия заключил:
“Ты хотя бы вышла из могилы,
Я б согрел тебя и оживил!
О, каким вдвоем
Мы горим огнем,
Как тебя мой проникает пыл!”
Все тесней сближает их желанье,
Уж она, припав к нему на грудь,
Пьет его горячее дыханье
И уж уст не может разомкнуть.
Юноши любовь
Ей согрела кровь,
Но не бьется сердце в ней ничуть.
Между тем дозором поздним мимо
За дверьми еще проходит мать,
Слышит шум внутри необъяснимый
И его старается понять:
То любви недуг,
Поцелуев звук,
И еще, и снова, и опять!
И недвижно, притаив дыханье,
Ждет она - сомнений боле нет
Вздохи, слезы, страсти лепетанье
И восторга бешеного бред:
“Скоро день - но вновь
Нас сведет любовь!”
“Завтра вновь!” - с лобзаньем был ответ.
Доле мать сдержать не может гнева,
Ключ она свой тайный достает;
“Разве есть такая в доме дева,
Что себя пришельцам отдает?”
Так возмущена,
Входит в дверь она
И дитя родное узнает,
И, воспрянув, юноша с испугу

Хочет скрыть завесою окна,
Покрывалом хочет скрыть подругу;
Но, отбросив складки полотна,
С ложа, вся пряма,
Словно не сама,
Медленно подьмется она.
“Мать, о мать, нарочно ты ужели
Отравить мою приходишь ночь?
С этой теплой ты меня постели
В мрак и холод снова гонишь прочь?
И с тебя ужель
Мало и досель,
Что свою ты схоронила дочь?
Но меня из тесноты могильной
Некий рок к живущим шлет назад,
Ваших клиров пение бессильно,
И попы напрасно мне кадят:
Молодую страсть
Никакая власть,
Ни земля, ни гроб не охладят!
Этот отрок именем Венеры
Был обещан мне от юных лет,
Ты вотще во имя новой веры
Изрекла неслыханный обет!
Чтоб его принять,
В небесах, о мать,
В небесах такого бога нет!
Знай, что смерти роковая сила
Не могла сковать мою любовь,
Я нашла того, кого любила,
И его я высосала кровь!
И, покончив с ним,
Я пойду к другим,
Я должна идти за жизнью вновь!
Милый гость, вдали родного края
Осужден ты чахнуть и завясть,
Цепь мою тебе передала я,

Но волос твоих беру я прядь.

Ты их видишь цвет?

Завтра будешь сед,

Русым там лишь явишься опять!

Мать, услышь последнее моление,

Прикажи костер воздвигнуть нам,

Свободи меня из заточенья,

Мир в огне дай любящим сердцам!

Так из дыма тьмы

В пламе, в искрах мы

К нашим древним полетим богам!"

УЧЕНИК ЧАРОДЕЯ

Старый знахарь отлучился!

Радуюсь его уходу,

Испытать я власть решился

Над послушною природой,

Я у чародея

Перенял слова

И давно владею

Тайной колдовства.

Брызни, брызни,

Свеж и влажен,

С пользой жизни,

Ключ из скважин.

Дай скопить воды нам в чане,

Сколько требуется в бане!

Батрака накинь лохмотья,

Старый веник из мочалы.

Ты сегодня на работе

Отдан под мое начало!

Растопырь-ка ноги,

Дерни головой!

По лесной дороге

Сбегай за водой.

Брызни, брызни,

Свеж и влажен,

С пользой жизни,

Ключ из скважин!

Дай скопить воды нам в чане,

Сколько требуется в бане!

Погляди на водоноса!

Воду перелил в лоханки!

И опять в овраг понесся

Расторопнее служанки.

Сбегал уж два раза

С ведрами батрак,

Налил оба таза

И наполнил бак.

Полно! Баста!

Налил всюду.

И не шастай

Больше к пруду!

Как унять готовность эту?

Я забыл слова запрета.

Я забыл слова заклатья

Для возврата прежней стати!

И смеется подлый веник,

Скатываясь со ступенек.

Возвратился скоком

И опять ушел,

И вода потоком

Заливает пол.

Стой, довольню,

Ненавидный!

Или больно

Шею стисну!

Только покосился в злобе,

Взгляд бросая исподлобья.

Погоди, исчадь ада,

Ты ведь эдак дом утопишь!

С лавок льются водопады,

У порога лужи копишь!

Оборотень-веник,

Охлади свой пыл!

Снова стань, мошенник,

Тем, чем прежде был.

Вот он с новою бадейкой.

Поскорей топор я выну!

Опрокину на скамейку,

Рассеку на половины!

Ударяю с маху,

Палка пополам,

Наконец от страха

Отдых сердцу дам.

Верх печали!

О, несчастье!

С полу встали

Обе части,

И, удвоивши усердье,

Воду носят обе жерди!

С ведрами снуют холопы,

Все кругом водой покрыто!

На защиту от потопа

Входит чародей маститый!

“Вызвал я без знанья

Духов к нам во двор

И забыл чуранье,

Как им дать отпор!”

В угол, веник.

Сгиньте, чары.

Ты мой пленник.

Бойся кары!

Духи, лишь колдун умелый

Вызывает вас для дела.

КРЫСОЛОВ

Певец, любимый повсеместно,
Я крысолов весьма известный,
И в этом городе с моим
Искусством впрямь необходим.
Хоть крыс тут водится - дай боже,
Да и хорьков как будто тоже,
Мне стоит только заиграть,
И вам их больше не видать.
Певец, хвалимый повсеместно,
Я также детолов известный.
Под лютню запою, и вмиг
Стихают детский плач и крик!
И как мальчишки ни резвятся,
И как девчонки ни дичатся
По струнам проведу рукой,
И все они бегут за мной.
Певец, честимый повсеместно
К тому ж я женолов известный.
Такого городишка нет,
Где мною не оставлен след.
Пускай девицы боязливы,
Молодки чинны и спесивы
Все покоряются сердца
Искусству пришлового певца.

(Сначала)

1802/1803

ГОРНЫЙ ЗАМОК

Вон замок стоит на вершине
Среди гранитных скал.
Под сводами башен высоких
Он рыцарей встарь укрывал.
Но рыцари спят в могилах,
А башни врагом сожжены.
Я проникаю свободно
В проломы ветхой стены.

Здесь погреб с вином драгоценным

Лежал в былые года.

Прислужница больше не сходит

С кувшином тяжелым туда.

И в зал не спешит, как бывало,

Гостей обнести чередой.

Попу не наполнит бокала

Для трапезы в праздник святой.

И дерзкому пажу отведать

Не даст, пробегая, вина.

И тайной награды не примет

За тайную щедрость она.

Затем, что и стены, и своды,

И лестницы - все сожжено,

Рассыпалась, рухнув, капелла

И в прах обратилась давно.

Но в день жизнерадостно-яркий,

Когда на вершине крутой

Стояла с бутылкой и лютней,

С подругой моей молодой,

В развалинах все заблестало,

Наполнились жизнью они,

И шумно и празднично стало,

Как в добрые старые дни.

И мнилось, нарядные гости

Въезжают во двор чередой,

И мнилось, из прошлого мира

Мы входим счастливой четой.

И ждет нас в капелле священник,

И вот поднялись мы туда,

И он вопрошает: "Согласны?"

И мы улыбаемся: "Да".

И радостно песнь зазвучала,

Как юное сердце, чиста,

И ей не толпа отвечала,

Но звонкого эха уста.

Меж тем надвинулся вечер,

Он шум и веселье унес,

И вот заходящее солнце

Убрало багрянцем утес.

И дамой служанка блистает,

И паж точно рыцарь одет,

И щедро она угощает,

И он не скупится в ответ.

ВЕРНЫЙ ЭККАРТ

“О, только б скорей добежать нам домой!

Уже окружает нас морок ночной,

Слетаются Страшные Сестры.

Они уже тут, и они нас найдут,

Чтоб выхлебать пиво, которое ждут

Так долго родители наши”.

Так шепчутся дети и к дому бегут...

Но дюжий старик появляется тут:

“Эй, тихо ребятушки, тихо!

Сестрички с горячей охоты летят;

Пусть в глотки зальют себе сколько хотят.

Они вам добра не забудут”.

И в ту же минуту их морок догнал.

Бесплотен и сер, он от жажды стонал,

Однако хлебал он отменно.

И выпито пиво - такая беда!

И дикая дальше несется орда

Куда-то в долины и горы.

Детишки бегут, и от страха их бьет.

Но дюжий старик от них не отстает;

“Эй, птенчики, ну-ка, не хныкать!”

“Нас выбернит мать, и прибьет нас отец...”

“Молчите, как мышки, и делу конец

Пойдет у вас все как по маслу.

А тот, кто вам дал этот добрый наказ,

Он первый товарищ ребячьих проказ,

Волшебник испытанный Эккарт.

Встречали его и в лесу и в дому,

Но нет никаких доказательств тому...

А вы их в руках понесете”.

Детишки робея подходят к крыльцу,

Порожние кружки вручают отцу

И ждут тумачков и попреков.

Но диво! Родители кружки берут,

Пригубили пиво, и хвалят, и пьют...

Пьют раз, и второй, и десятый.

Уж сумрак редет, и день настает.

Тут кто-то внезапно вопрос задает:

“Что с кружками за чертовщина?”

Плутяшки на все откликались молчком,

А там как пошли молотить язычком,

И тотчас же высохли кружки.

Ребятки, когда вам доверит секрет

Родитель, наставник иль добрый сосед,

Не выдайте тайны оплошно.

На глупый роток наложите печать:

Болтать - неразумно, полезней молчать.

Тогда наполняются кружки.

1813

ОДЫ

ПЕСНЬ СТРАННИКА В БУРЮ

Кто храним всемошным гением,

Ни дожди тому, ни гром

Страхом в сердце не дохнут.

Кто храним всемошным гением,

Тот заплачку дождя,

Тот гремучий град

Окликнет песней,

Словно жавронок

Ты там в выси.

Кто храним всемошным гением,

Тот взнесен над топким илом

На крылах зардевших;

Вдаль шагнет он,

По цветам ступая,

Чрез Девкальоновы хляби,

Змея раня, свеж, смел,

Аполлон Пифийский.

Кто храним всемошным гением,

Тот согрет родимыми крылами,

Лишь задремлет на скале,

Тот от мрака застлан опереньем

В срок полуночный в бору.

Кто храним всемошным гением,

Тот теплом спеленат

В снег и в вьюгу;

По теплу тоскуют музы,

По теплу сестры-грации.

Ко мне слетайтесь, музы,

Роем радостным!

Это - влага,

Это - суша,

Это - сын текучих вод и суши,

Я по ним ступаю,

Брат богам!

Вы чисты, словно сердце влаги,

Вы чисты, как руда земная,

Вы со мною, и парю я

И над влагой, и над сушей,

Брат богам!

И он вернется,

Тот поселянин, черный, горячий?

И он вернется, вновь доверясь

Твоей опеке, Бромий-праотец,

И теплу очага родного?

Вернется - бодрый?

А я, к кому вы благи,

Грации и легкие музы,

Ко всем приукрашен, чем вы,

Камены и грации,

В благости божественной,

Взор пленяя, рядили мир,

Вернусь - разбитый?

Бромий-праотец,

Гений зиждущий

Столетия вольного!

Ты - что жар души

Пиндару был,

Чем земле

Феб-Аполлон стал.

Рдей! Рдей! Скрытый пламень,

Пламень сердца,

Мой оплот!

Рдей навстречу

Аполлону,

А не то

Он холодно

Обойдет тебя приветом.

Уязвленный,

Он следит, как иглы кедра

Зеленеют

Без него.

Что ж тебя зову позже всех?

Ты, в ком песнь ожила,
Ты - предел, ей данный,
Ты - ее родник,
Зевс Увлажняющий!
Ты, ты в песнях журчишь!
Стороной бежит
Шум кастальских вод
Для бездельников,
Смертно-счастливых,
Чуждых тебе,
Нас окунувший в блеск
Зевс Увлажняющий.
В роще вязовой,
Нет! не встретишься
С кротким голубем
На простертой руке,
Лаской роз увенчав чело,
Ты - ему, сладкоустому
Анакреону,
Бог, бурей дохнувший.
И у тополя
В сибаритской стране,
Там, где у гор
Лоб усмугляется солнцем,
Не был тобой пронзен
В розах тонуций,
Медом плещущий,
Нежно манящий
Феокрит.
Но когда в ристалище
Гром колес огибал цель
Ввысь взвит,
Славой рдея,
Бич удалых юнцов!
И крутил прах,
Словно с отважных гор
Град ударял ниц,

Рдея, страх и доблесть множил,

Пиндар,

Ты.- Рдея?

Скудный дух!

Там, над холмами,

Горняя мощь!

Но пыл иссяк:

Вот он, очаг мой!

К нему б добраться.

ПРОМЕТЕЙ

Ты можешь, Зевс, громадой тяжких туч

Накрыть весь мир,

Ты можешь, как мальчишка,

Сбивающий репы,

Крушить дубы и скалы,

Но ни земли моей

Ты не разрушишь,

Ни хижины, которую не ты построил,

Ни очага,

Чей животворный пламень

Тебе внушает зависть.

Нет никого под солнцем

Ничтожней вас, богов!

Дыханием молитв

И дымом жертвоприношений

Вы кормите свое

Убогое величье,

И вы погибли б все, не будь на свете

Глупцов, питающих надежды,

Доверчивых детей

И нищих.

Когда ребенком был я и ни в чем

Мой слабый ум еще не разобрался,

Я в заблужденье к солнцу устремлял

Свои глаза, как будто там, на небе,

Есть уши, чтоб мольбе моей внимать,

И сердце есть, как у меня,

Чтоб сжалиться над угнетенным.

Кто мне помог

Смирить высокомерие титанов?

Кто спас меня от смерти

И от рабства?

Не ты ль само,

Святым огнем пылающее сердце?

И что ж, не ты ль само благодарило,

По-юношески горячо и щедро,

Того, кто спал беспечно в вышине!

Мне - чтить тебя? За что?

Рассеял ты когда-нибудь печаль

Скорбящего?

Отер ли ты когда-нибудь слезу

Б глазах страдальца?

А из меня не вечная ль судьба,

Не всемогущее ли время

С годами выковали мужа?

Быть может, ты хотел,

Чтоб я возненавидел жизнь,

Бежал в пустыню оттого лишь,

Что воплотил

Не все свои мечты?

Вот я - гляди! Я создаю людей,

Леплю их

По своему подобию,

Чтобы они, как я, умели

Страдать, и плакать,

И радоваться, наслаждаясь жизнью,

И презирать ничтожество твое,

Подобно мне!

1774

ГАНИМЕД

Словно блеском утра

Меня озарил ты,

Май, любимый!

Тысячеликим любовным счастьем

Мне в сердце льется

Тепла твоего

Священное чувство,

Бессмертная Красота!

О, если б я мог

Ее заключить

В объятия!

На лоне твоём

Лежу я в томленьи,

Прижавшись сердцем

К твоим цветам и траве.

Ты охлаждаешь палящую

Жажду в груди моей,

Ласковый утренний ветер!

И кличут меня соловьи

В росистые темные рощи свои.

Иду, поднимаюсь!

Куда? О, куда?

К вершине, к небу!

И вот облака мне

Навстречу плывут, облака

Спускаются к страстной

Зовущей любви.

Ко мне, ко мне!

И в лоне вашем

Туда, в вышину!

Объятый, объеблю!

Все выше! К твоей груди,

Отец Вседержитель!

1774

В АНТИЧНЫХ ФОРМАХ

МОГИЛА АНАКРЕОНТА

Здесь, где роза цветет, где лавры лоза обвивает,

Здесь, куда горлинки зов манит и песня цикад,

Чью здесь гробницу украсили жизнью зеленой и звонкой

Боги? - Под этим холмом Анакреонт опочил.

Летней, и вешней порой, и осенней сполна

насладившись,

Старец счастливый в земле скрылся от зимних

невзгод,

I

Камень, речь поведи! Говорите со мною, чертоги!
Улица, слово скажи! Гений, дай весть о себе!
Истинно, душу таят твои священные стены,
Roma aeterna! Почто ж сковано все немотой?
Кто мне подскажет, в каком окне промелькнет ненароком
Милая тень, что меня, испепелив, оживит?
Или, сбившись с пути, не узнал я дорогу, которой
К ней бы ходил и ходил, в трате часов не скупясь?
Обозреваю пока, путешественник благоприличный,
Храмы, руины, дворцы, мрамор разбитых колонн.
Этим скитаньям конец недалек. В одном только храме,
В храме Амура, пришлец кров вожделенный найдет.
Рим! О тебе говорят: "Ты - мир". Но любовь отнимите,
Мир без любви - не мир, Рим без любви - не Рим.

III

Милая, каешься ты, что сдалась так скоро? Не кайся:
Помыслом дерзким, поверь, я не принижу тебя.
Стрелы любви по-разному бьют: оцарапает эта,
Еле задев, а яд сердце годами томит;
С мощным другая пером, с наконечником острым и
крепким,
Кость пронзает и мозг, кровь распалает огнем.
В век героев, когда богини и боги любили,
К страсти взгляд приводил, страсть к наслажденью
вела.
Или, думаешь ты, томилась долго Киприда
В рощах Иды, где вдруг ей полюбился Анхиз?
Не поспеши Селена, целуя, склониться к сонливцу,
Ох, разбудила б его быстрая ревность Зари!
Геро глянула в шумной толпе на Леандра, а ночью
Тот, любовью горя, бросился в бурную хлябь.
Рея Сильвия, царская дочь, спустилась с кувшином
К берегу Тибра, и вмиг девою бог овладел.
Так породил сыновей своих Марс. Вскормила волчица
Двух близнецов, и Рим князем земли наречен.

“Ты ль, жестокий, меня оскорбляешь такими словами?

Или мужчины, любя, так злоречивы у вас?

Пусть осуждает меня толпа, я снесу терпеливо.

Знаю: грешна. Но кто грех мой единственный? Ты!

Эти платья, они для завистливой сплетни улика,

Что надоело вдове плакать по мужу в тиши.

Неосмотрительный, ты не ходил ли ко мне в новолунье:

Темный строгий сюртук, волосы сзади кружком?

Разве не сам ты, шутя, захотел рядиться в сутану?

Шепчутся люди: “Прелат!” Кто же им был, как не ты?

В Риме, в поповском гнезде, хоть трудно поверить,

клянусь я,

Из духовенства никто ласки моей не познал.

Да, молода и бедна, обольстителей я привлекала,

Фолькониери не раз жадно глядел мне в глаза,

Деньги большие мне сводник сулил, посредник Альбани,

В Остию звал он меня, в Кватро Фонтане манил.

Не соблазнили меня посулы! Уж слишком противен

Был мне лиловый чулок, не был и красный милей!

Сызмала знала: “Всегда под конец девчонка в накладе!”

Так мой отец говорил, даром что мать не строга.

Вот и сбылось: обманута я! Ведь только для виду

Сердишься ты, а сам, знаю, задумал сбежать.

Что ж, иди! Вы женской любви не стоите. Носим

Мы под сердцем дитя, верность мы носим в груди.

Вы же, мужчины, в объятьях и верность и страсть

изливая,

Всю расточаете вы легкую вашу любовь”.

Милая так говорила и, на руки взяв мальчугана,

Стала его целовать; слезы из глаз потекли.

Как же был я пристыжен, что дал людскому злоречью

Светлый облик любви так предо мной очернить!

Тускло пламя горит лишь миг и чадно дымится,

Если водой невзначай в жаркий плеснули очаг.

Тотчас, однако же, пламя очистится, дым разойдется;

Снова, юн и силен, ясный взовьется огонь.

О, как в Риме радостно мне! Давно ль это было?

Помню, серый меня северный день обнимал.

Небо угрюмо и грузно давило на темя; лишенный

Красок и образов мир перед усталым лежал.

Я же о собственном “я”, следя недовольного духа

Сумеречные пути, в помыслов глубь уходил.

Ныне мне лег на лоб светлейшего отсвет эфира,

Феб-жизнедавец призвал к жизни и форму и цвет.

Звездами ночь ясна, и звучит она музыкой мягкой;

Ярче, чем северный день, южного месяца свет.

Что за блаженство смертному мне! Не сон ли?

Приемлет

Твой амврозийный дом гостя, Юпитер-отец?

Вот я лежу и руки к твоим простираю коленам

В жаркой мольбе: “Не отринь, Ксений-Юпитер, меня!

Как я сюда вошел, не умею сказать: подхватила

Геба меня, увлекла, странника, в светлый чертог.

Может быть, ты вознести героя велел, и ошиблась

Юная? Щедрый, оставь, что мне ошибкой дано!

Да и Фортуна, дочь твоя, тоже поди, своенравна:

Кто приглянулся, тому лучшее в дар принесет.

Гостеприимцем зовешься, бог? Не свергай же пришельца

Ты с олимпийских высот вновь на низину земли”.

“Стой! Куда взобрался, поэт?” - Прости мне! Высокий

Холм Капитолия стал новым Олимпом твоим.

Здесь, Юпитер, меня потерпи; а после Меркурий,

Цестиев склеп миновав, гостя проводит в Аид”.

IX

В осени ярко пылает очаг, по-сельски радушен;

Пламя, взвиваясь, гляди, в хворосте буйно кипит.

Ныне оно мне отрадно вдвойне: еще не успеет,

В уголь дрова превратив, в пепле заглохнуть оно,

Явится милая. Жарче тогда разгорятся поленья,

И отогретая ночь праздником станет для нас.

Утром моя домоводка, покинув любовное ложе,

Мигом из пепла вновь к жизни разбудит огонь.

Ласковую Амур наделил удивительным даром:

Радость будить, где она словно заглохла в золе.

XIV

“Мальчик! Свет зажигай!” - “Да светло! Чего

понапрасну

Масло-то переводить? Ставни закрыли к чему?

Не за горою, поди, за крышами солнце укрылось

Добрых полчаса нам звона ко всеобщей ждать”.

“Ох, несчастный! Ступай и не спорь! Я жду дорогую.

Вестница ночи меж тем, лампа, утешит меня!”

XVI

“Что ж ты сегодня, любимый, забыл про мой

виноградник?

Там, как сулила, тайком я поджидала тебя”.

“Шел я туда, дружок, да вовремя, к счастью, заметил,

Как хлопоча и трудясь, дядя вертелся в кустах.

Я поскорей наутек!” - “Ох, и как же ты обозначился!

Пугало - вот что тебя прочь отогнало. Над ним

Мы постарались усердно, из лоз плели и лохмотьев;

Честно старалась и я - вышло, себе ж на беду!”

Цели старик достиг: отпугнул он дерзкую птицу,

Ту, что готова сгубить сад - и садовницу с ним.

XX

Сила красит мужчину, отвага свободного духа?

Рвение к тайне, скажу, красит не меньше его.

Градокрушительница Молчаливость, княгиня народов!

Мне, богиня, была в жизни водителем ты.

Что же судьба припасла? Мне муза, смеясь, размыкает,

Плут размыкает Амур накрепко сомкнутый рот.

Ох, куда как не просто скрывать позор королевский!

Худо прячет венец, худо фригийский колпак

Длинные уши Мидаса: слуга ли ближайший заметил

Страшно царю, на груди тайна, что камень, лежит.

В землю, что ли, зарыть, схоронить этот камень

тяжелый?..

Только тайны такой не сохранит и земля!

Станут вокруг камыши, зашуршат, зашепчутся с ветром:

“А Мидас-то, Мидас! Даром что царь,- долгоух!”

Мне же безмерно тяжеле бжюсти чудесную тайну,

Льется легко с языка то, что теснилось в груди.

А ни одной не доверишь подруге - бранить они будут;

Другу доверить нельзя: что, коль опасен и друг?

Роще свой поведать восторг, голосистым утесам?

Я не настолько же юн, да и не столь одинок!

Вам, гекзаметры, я, вам, пентаметры, ныне поверю,

С нею как радуюсь дню, ею как счастлив в ночи!

Многим желанна, сетей она избегает, что ставит

Дерзко и явно - кто смел, тайно и хитростно - трус.

Мимо пройдет, умна и легка: ей ведома тропка,

Где в нетерпении ждет истинно любящий друг.

Медли, Селена! Идет она! Как бы сосед не заметил...

В листьях, ветер, шуми - в пору шаги заглушить!

Вы же растите, цветите, любезные песни! Качайтесь

В тихом трепете лоз, в ласковой неге ночной

И болтливый, как тот камыщ, откройте квиритам

Тайну прекрасную вы взысканной счастьем четы,

ИЗ "ВЕНЕЦИАНСКИХ ЭПИГРАММ"

Жизнь украшает твои гробницы и урны, язычник:

Фавны танцуют вокруг, следом менад хоровод

Пестрой течет чередой; сатир трубит что есть мочи

В хриплый пронзительный рог, толстые щеки надув.

Бубны, кимвалы гремят: мы и видим мрамор и слышим.

Резвые птицы, и вам лаком налившийся плод!

Гомон вас не спугнет; не спугнуть ему также Амура:

Факелом тешится всласть в пестрой одежде божок.

Верх над смертью берет избыток жизни - и мнится:

К ней причастен и прах, спящий в могильной тиши.

Пусть же друзья обовьют этим свитком гробницу поэта:

Жизнью и эти стихи щедро украсил поэт,

Эту гондолу сравню с колыбелью, качаемой мерно,

Делает низкий навес лодку похожей на гроб.

Истинно так! По Большому каналу от люльки до гроба

Мы без забот через жизнь, мерно качаясь, скользим.

ИЗ "ЗАПАДНО-ВОСТОЧНОГО ДИВАНА"

1814-1818

ГИДЖРА

Север, Запад, Юг в развале,

Пали троны, царства пали.

На Восток отправься дальный

Воздух пить патриархальный,

В край вина, любви и песни,

К новой жизни там воскресни.

Там, наставленный пророком,

Возвратись душой к истокам,

В мир, где ясным, мудрым слогом

Смертный вел беседу с богом,

Обретал без мук, без боли

Свет небес в земном глаголе.

В мир, где предкам уваженье,

Где чужое - в небреженье,

Где просторно вере правой,

Тесно мудрости лукавой

И где слово вечно ново,

Ибо устным было слово.

Пастухом броди с отарой,

Освежайся под чинарой,

Караван води песками

С кофе, мускусом, шелками,

По безводью да по зною

Непроезжей стороною.

Где тропа тесней, отвесней,

Разгони тревогу песней,

Грянь с верблюда что есть мочи

Стих Гафиза в пропасть ночи,

Чтобы звезды задрожали,

Чтоб разбойники бежали.

На пиру и в бане снова

Ты Гафиза пой святого,

Угадав за покрывалом

Рот, алеющий кораллом,

И склоняя к неге страстной

Сердце гурии прекрасной.

Прочь, завистник, прочь, хулитель,

Ибо здесь певца обитель,

Ибо эта песнь живая

Возлетит к преддверьям рая,

Там тихонько постучится

И к бессмертью приобщится.

ЧЕТЫРЕ БЛАГА

Арабам подарил Аллах

Четыре высших блага,

Да не иссякнут в их сердцах

Веселье и отвага.

Тюрбан - для воина пустынь

Он всех корон дороже.

Шатер - в пути его раскинь,

И всюду кров и ложе.

Булат, который тверже стен,

Прочней утесов горных,

И песню, что уводит в плен

Красавиц непокорных.

Умел я песнями цветы

Срывать с их пестрой шали,

И жены, строги и чисты,

Мне верность соблюдали.

Теперь - на стол и цвет и плод!

Для пира все готово,

И тем, кто поученья ждет,

Предстанет свежим Слово.

СТИХИИ

Чем должна питаться песня,

В чем стихов должна быть сила,

Чтоб внимали им поэты

И толпа их затвердила?

Призовем любовь сначала,

Чтоб любовью песнь дышала,

Чтобы сладостно звучала,

Слух и сердце восхищала.

Дальше вспомним звон стаканов

И рубин вина багряный,
Кто счастливей в целом мире,
Чем влюбленный или пьяный?
Дальше - так учили деды
Вспомним трубный голос боя,
Ибо в зареве победы,
Словно бога, чтут героя.
Наконец, мы сердцем страстным,
Видя зло, вознегодует,
Ибо дружим мы с прекрасным,
А с уродливым враждуем.
Слей четыре эти силы
В первобытной их природе
И Гафизу ты подобен,
И бессмертен ты в народе.

ФЕНОМЕН

Чуть с дождевой стеной
Феб обручится,
Радуги круг цветной
Вдруг разгорится.
В тумане круг встает,
С прежним несходен:
Бел его мутный свод,
Но небу сроден!

Так не страшись тщеты,
О старец смелый!
Знаю, полюбишь ты,
Хоть кудри белы.

ПЕСНЯ И ИЗВАЯНЬЕ

Пусть из грубой глины грек
Дивный образ лепит
И вдохнет в него навек
Плоти жаркий трепет;
Нам милей, лицо склонив
Над Евфрат-рекою,
Водной зыби перелив
Колевать рукою.

Чуть остудим мы сердца,

Чуем: песня зреет!

Коль чиста рука певца,

Влага в ней твердеет.

БЛАЖЕННОЕ ТОМЛЕНИЕ

Скрыть от всех! Подымут травлю!

Только мудрым тайну вверьте:

Все живое я прославлю,

Что стремится в пламень смерти.

В смутном сумраке любовном,

В час влечений, в час зачатья,

При свечей сиянье ровном

Стал разгадку различать я:

Ты - не пленник зла ночного!

И тебя томит желанье

Вознестись из мрака снова

К свету высшего слиянья.

Дух окрепнет, крылья прянут,

Путь нетруден, не далек,

И уже, огнем притянут,

Ты сгораешь, мотылек.

И доколь ты не поймешь:

Смерть для жизни новой,

Хмурым гостем ты живешь

На земле суровой.

И тростник творит добро

С ним весь мир прелестней,

Ты, тростник, мое перо,

Подари нас песней!

Где рифмач, не возомнивший,

Что второго нет такого,

Где скрипач, который мог бы

Предпочесть себе другого?

И ведь правы люди эти:

Славь других - себя уронишь,

Дашь другому жить на свете,

Так себя со света сгонишь,

И немало мне встречалось

Разных лиц, высоких чином,

Коим спутывать случалось

Кардамон с дерьмом мышиным.

Прежний для спасенья чести

Новую метлу порочит.

Новая метла из мести

Старой честь воздать не хочет.

И народы ссорит злоба

И взаимное презренье,

А того не видят оба,

Что одно у них стремленье.

*

Разве старого рубаку

Я учил держать секиру?

Направлял полезших в драку

Или путь искавших к миру?

Наставлял я рыболова

В обращении с лесосою

Иль искусного портного

Обучал шитью да крою?

Так чего же вы со мною

В том тягаться захотели,

Что природою Самою

Мне раскрыто с колыбели?

Напирайте без стеснения,

Если сила в вас клокочет.

Но, судя мои творенья,

Знайте: так художник хочет!

Хатем

Создает воров не случай,

Сам он вор, и вор - вдвойне:

Он украл доньне жгучий

След любви, что тлел во мне.

Всё, чем дни мои богаты,

Отдал он тебе сполна.

Возврати хоть часть утраты,

Стал я нищ, и жизнь бедна.

Но уже алмазом взгляда

Приняла ты все мольбы,

И, твоим объятьям радо,

Сердце новой ждет судьбы.

Зулейка

Все мне дал ты нежным взором,

Мне ли случай осуждать!

Если вдруг он вышел вором,

Эта кража - благодать.

Но ведь сам, без всякой кражи,

Стал ты мой, как я - твоя.

Мне приятней было б даже,

Если б вором вышла я.

Дар твой щедр и смел обычай,

Но и в выигрыше ты:

Все ты взял - покой девичий,

Шар душевной полноты.

Полюбил - и стал богатым.

Ты ли нищий? Не шути!

Если ты со мною, Хатем,

Счастья выше не найти.

К ЗУЛЕЙКЕ

Чтобы в льстивых ароматах

Знала радость ты вполне,

Сотням роз едва зачатых

Должно гибнуть на огне.

Чтоб флакончик взять пригожий,

Где душистый жив эфир,

На персты твои похожий,

Тут потребен целый мир.

Целый мир, что жизни силой

Полноты своей доспев,

Предвкушает Буль-буль милой

Возбудительный напев.

Нам мученье - лишь отрада,

Если множит нашу сласть.

Душ не съела ль мириады,

Чтоб расцвести, Тимура власть?

GINGO VILOBA

Этот листик был с Востока
В сад мой скромный занесен,
И для видящего ока
Тайный смысл являет он.
Существо ли здесь живое
Разделилось пополам,
Иль напротив, сразу двое
Предстают в единстве нам?
И загадку и сомненья
Разрешил мой стих один:

Перечти мои творенья,
Сам я - двойственно един.

ВОССОЕДИНЕНИЕ

Ты ли здесь, мое светило?
Стан ли твой, твоя ль рука?
О, разлука так постыла,
Так безжалостна тоска!
Ты - венец моих желаний,
Светлых радостей возврат!
Вспомню мрак былых страданий
Встрече с солнцем я не рад.
Так коснел на груди отчей
Диких сил бесплодный рой,
И, ликуя, первый Зодчий
Дал ему закон и строй.
“Да свершится!” - было слово,
Вопль ответом был - и вмиг
Мир из хаоса немого
Ослепительно возник.
Робко скрылась тьма впервые,
Бурно свет рванулся ввысь,
И распались вдруг стихии
И, бунтуя, понеслись,
Будто вечно враждовали,
Смутных, темных грез полны,
В беспредельность мертвой дали,

Первозданной тишины.

Стало все немой пустыней,

Бог впервые одинок.

Тут он создал купол синий,

Расцветил зарей восток.

Утро скорбных оживило,

Буйством красок все зажглось,

И любовь одушевила

Все стремившееся врозь.

И безудержно и смело

Двое стать одним спешат,

И для взора нет предела,

И для сердца нет преград.

Ждет ли горечь иль услада

Лишь бы только слиться им,

И творцу творить не надо,

Ибо мы теперь творим.

Так меня в твои объятия

Кинул звонкий зов весны.

Ночи звездною печатью

Жизни наши скреплены.

И теперь не разлучиться

Нам ни в злой, ни в добрый час,

И второе: "Да свершится!"

Разделить не сможет нас.

ВПУСК

Гурия

На пороге райских кущей

Я поставлена как страж.

Отвечай, сюда идущий:

Ты, мне кажется, не наш!

Вправду ль ты Корана воин

И пророка верный друг?

Вправду ль рая удостоен

По достоинству заслуг?

Если ты герой по праву,

Смело раны мне открой,

И твою признаю славу,

И впусти тебя, герой.

Поэт

Распахни врата пошире,

Не глумись над пришлецом!

Человеком был я в мире,

Это значит - был борцом!

Посмотри на эти раны,

Взором светлым в них прочтешь

И любовных снов обманы,

И вседневной жизни ложь.

Но я пел, что мир невечный

Вечно добр и справедлив,

Пел о верности сердечной,

Верой песню окрылив.

И, хотя платил я кровью,

Был средь лучших до конца,

Чтоб зажглись ко мне любовью

Все прекрасные сердца.

Мне ль не место в райском чине!

Руку дай - и день за днем

По твоим перстам отныне

Счет бессмертью поведем.

ФИЛОСОФСКАЯ ЛИРИКА

ПРОЧНОЕ В СМЕНАХ

Только б час над ранним краем

Вешний трепет простоял!

Но уж белый дождь, сдуваем

Теплым ветром, замелькал.

Надышаться не успеем

Влажной зеленью в бору,

Как, глядишь, сметен Бореем,

Лист трепещет на ветру.

Пусть рука быстрее срывает

На ветвях созревший плод!

Этот соком набухает,

И уже свалился тот.

Мир, омытый в шумной стуже,

Обновится - не узнать;

И - увы! - в одну и ту же

Реку дважды не ступать.

Да и ты! Когда в дороге

Прах времен прельщает глаз,

Башни видишь, зришь чертоги

По-иному каждый раз.

Где уста, в былую пору

Льнувшие к твоим устам?

Ножка, что взбегала в гору,

Споря с серной, по тропам?

Где рука, столь благосклонно

Нас дарившая тогда?

Образ, дивно расчлененный,

Пропадает навсегда.

Что теперь, на месте этом,

Кличут именем твоим,

Набежало зыбким светом

И рассеется, как дым.

Пусть кануны и исходы

Свяжет крепче жизнь твоя!

Обгоняя бег природы,

Ты покинешь и себя.

Только муз благоволение

Прочной ласкою дарит:

В сердце - трепет вдохновенья,

В духе форму сохранит,

ДУША МИРА

Рассейтесь вы везде под небосклоном,
Святой покинув пир,
Несите жизнь, прорвавшись к дальним зонам,
И наполняйте мир!
Вы божьим сном парите меж звездами,
Где без конца простор,
И средь пространств, усеянных лучами,
Блестит ваш дружный хор.
Несетесь вы, несильные кометы,
Чтоб в высях потонуть,
И в лабиринт, где солнце и планеты,
Врезается ваш путь,
К бесформенным образованиям льнете,
Играя и творя,
Все сущее в размеренном полете
Навек животворя.
Вы в воздухе подвижном ткете щедро
Изменчивый убор,
И камню вы, в его проникнув недра,
Даете твердость форм.
И рвется все в божественной отваге
Себя перерастаи;
В пылинке - жизнь, и зыбь бесплодной влаги
Готова зацвести.
И мчитесь вы, любовью вытесняя
Сырого мрака чад;
В красе разнообразной дали рая
Уж рдеют и горят.
Чтоб видеть свет, уже снует на воле
Всех тварей пестрота;
Вы в восхищенье на счастливом поле,
Как первая чета.
И гасит пламя безграничной жажды
Любви взаимной взгляд.
Пусть жизнь от целого приемлет каждый

И вновь - к нему назад.

ОДНО И ВСЕ

В безбрежном мире раствориться,

С собой навеки распротиться

В ущерб не будет никому.

Не знать страстей, горячей боли,

Всевластия суровой воли

Людскому ль не мечтать уму?

Приди! пронзи, душа Вселенной!

Снабди отвагой дерзновенной

Сразиться с духом мировым!

Тропой высокой духи ходят,

К тому участливо возводят,

Кем мир творился и творим!

Вновь переплавить сплав творенья,

Ломая слаженные звенья,

Заданье вечного труда.

Что было силой, станет делом,

Огнем, вращающимся телом,

Отдохновеньем - никогда.

Пусть длятся древние боренья!

Возникновенья, измененья

Лишь нам порой не уследить.

Повсюду вечность шевелится,

И все к небытию стремится,

Чтоб бытию причастным быть,

1821

ЗАВЕТ

Кто жил, в ничто не обратится!
Повсюду вечность шевелится.
Причастный бытию блажен!
Оно извечно; и законы
Хранят, тверды и благосклонны,
Залоги дивных перемен.
Издревле правда нам открылась,
В сердцах высоких утвердился:
Старинной правды не забудь!
Воздай, хваленья, земнородный,
Тому, кто звездам кругоходный
Торжественно наметил путь.
Теперь - всмотришь в родные недра!
Отроешь в них источник щедрый,
Залог второго бытия.
В душевную вчитайся повесть,
Поймешь, взыскательная совесть
Светило нравственного дня.
Тогда доверься чувствам, ведай!
Обманы сменятся победой,
Коль разум бодростью дарит.
Пусть свежий мир вкушают взоры,
Пусть легкий шаг пройдет просторы,
В которых жизнь росой горит.
Но трезво приступайте к чуду!
Да указывает разум всюду,
Где жизнь благодворит живых.
В ничто прошедшее не канет,
Грядущее досрочно манит,
И вечностью заполнен миг.
Когда ж, на гребне дня земного,
Дознанием чувств постигнешь слово:
“Лишь плодотворное цени!”
Не уставай пытливым оком
Следить за зижущим потоком,

К земным избранникам примкни.
Как создает, толпе незримый,
Своею волей мир родимый
И созерцатель и поэт,
Так ты, причастный благодатям,
Высокий дар доверишь братьям.
А лучшей доли смертным - нет.

